

На правах рукописи

Матлин Михаил Гершенович

**СМЕХ В РУССКОЙ НАРОДНОЙ СВАДЬБЕ XIX — XXI вв.:
ТИПОЛОГИЧЕСКИЙ И ФУНКЦИОНАЛЬНЫЙ АСПЕКТЫ**

Специальность: 10.01.09 - фольклористика

АВТОРЕФЕРАТ
диссертации на соискание ученой степени
доктора филологических наук

Ульяновск
2019

Работа выполнена на кафедре русского языка, литературы и журналистики Федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Ульяновский государственный педагогический университет имени И. Н. Ульянова».

Научный консультант: доктор филологических наук, профессор, старший научный сотрудник Научно-образовательного центра «Традиционная культура и фольклор Ульяновского Поволжья» им. Д. Н. Садовникова Федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования Ульяновского государственного педагогического университета им. И. Н. Ульянова
Чередникова Маина Павловна

Официальные оппоненты:

Мороз Андрей Борисович, доктор филологических наук, профессор, доцент департамента истории и теории литературы факультета гуманитарных наук Федерального государственного автономного образовательного учреждения высшего образования «Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»

Золотова Татьяна Аркадьевна, доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры русского языка, литературы и журналистики Федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Марийский государственный университет»

Поздеев Вячеслав Алексеевич, доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры русской и зарубежной литературы и методики обучения Федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Вятский государственный гуманитарный университет»

Ведущая организация: Федеральное государственное бюджетное учреждение науки «Удмуртский федеральный исследовательский центр Уральского отделения Российской академии наук»

Защита состоится 29 января 2020 г. в 11.00 часов на заседании диссертационного совета Д 002.209.04 при Институте мировой литературы им. А. М. Горького РАН по адресу: 121069, г. Москва, ул. Поварская, д. 25а.

С диссертацией можно ознакомиться в научной библиотеке и на сайте Института мировой литературы имени А. М. Горького РАН.

Автореферат разослан _____

Ученый секретарь диссертационного совета,
кандидат филологических наук

Т. В. Говенько

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ДИССЕРТАЦИОННОЙ РАБОТЫ

Диссертационная работа посвящена исследованию смехового начала в русской народной свадьбе в функционально-типологическом, семантическом и историческом аспектах.

Смех в русской народной свадьбе XIX — начала XXI вв., формы его воплощения и функции в разных обрядах, обрядовых сценках, вербальных жанрах были весьма разнообразны, складывались и получали дальнейшее развитие под воздействием многих факторов. Смеховое начало в свадьбе — не один из ее компонентов, не дополнительная окраска, а онтологическое свойство самого обряда. Именно поэтому в данном исследовании анализируются свадебные обряды всех ее трех этапов, — от сватовства до поисков «ярки», в широком временном диапазоне — от публикаций конца XVIII в., впервые обозначивших наличие смехового начала в свадьбе, до полевых материалов первого десятилетия XXI в., в которых оно предстало как несомненная доминанта современной русской свадьбы, городской и сельской.

Смеховое начало в свадьбе могло создаваться при помощи вербальных текстов — от спонтанных до стереотипных, от стихотворных (приговоры дружки) до песенных (корильные песни). Оно могло также возникать в результате действия свадебных персонажей (например, заголения). Большую роль в создании смеха играли и предметы. С одной стороны, это могли быть предметы, специально изготавливаемые для использования в обряде (например, маски на постельничьих), или несколько трансформированные бытовые предметы, утварь, посуда (стакан с дыркой), или нетрансформированные предметы, используемые в символических актах и тем самым обретающие новое ритуальное значение.

Важно также и то, что смеховое начало в свадебном обряде неразрывно связано с театрально-игровым, являющимся основной формой выражения ритуально-мифологической семантики свадьбы.

В работе исследуется, в каких театрально-игровых формах смеховое начало воплощается в обрядах и вербальных текстах, какие ритуальные и социально-психологические функции оно выполняет, в силу каких обстоятельств и причин смеховая театрализация становится фактором, определяющим развертывания обрядов и отдельных обрядовых актов.

В частности, можно отметить, что смех, например, мог быть доминантой в *состязании* двух брачующихся сторон, так что в этом случае можно говорить о своеобразном *смеховом состязании*. Представители одного из семейно-родовых или социальных сообществ порою смехом *испытывают* участника или участников обряда, поэтому здесь мы имеем своеобразное

испытание смехом. Некоторые свадебные акты, являясь специфической формой социально-этического наказания человека, также включают в себя смех, что приводит в конечном итоге к *посрамлению смехом*. В других актах и обрядах смех может быть целью *розыгрыша* или *обмана*. И, наконец, смех мог полностью определять свадебный обряд, как это происходит, например, в обряде поиска «ярки», являя собой *торжество смеха*.

Конечно, выделение указанных особенностей функционирования смеха в свадебном обряде условно, вполне возможны и такие случаи, когда разграничить *состязание* и *посрамление*, *испытание* и *посрамление* сложно, а порою и не нужно.

Степень разработанности проблемы. Изучению русской народной свадьбы посвящено большое количество работ как монографического характера, так и отдельных статей представителей разных наук — этнографов, фольклористов, лингвистов, музыковедов, культурологов, театроведов. Многообразны, соответственно, и аспекты ее исследования — от анализа места и роли свадебного обряда в брачных традициях разных социокультурных общностей¹ до описания свадебной лексики как одной из тематических групп русского языка², от определения ареальных, региональных и локальных особенностей свадьбы³ до «семантической реконструкции, выявлению и характеристики свадебно-брачной символики в народной культуре»⁴, от установления «музыкальных диалектов русских

¹ Жирнова Г. В. Брак и свадьба русских горожан в прошлом и настоящем: (По материалам городов средней полосы РСФСР). — Москва: Наука, 1980.

² Гура А. В. Терминология севернорусского свадебного обряда: (На общеславянском фоне): автореф. дис. ... кандидата филологических наук: 10.01.09. — Москва, 1978; Таратынова Н. Ю. Лексика свадебного обряда: по материалам псковских говоров: автореферат дис. ... кандидата филологических наук. — Тамбов, 2008 и мн. др.

³ Гура А. В. Опыт ареальной характеристики славянского свадебного обряда и его терминологии // Формирование раннефеодальных славянских народностей: Сб. статей / Редкол. В. Д. Королюк (отв. ред.) и др. — Москва: Наука, 1981. — С. 261–278; Зорин Н. В. Русская свадьба в Среднем Поволжье. — Казань: Издательство Казанского университета, 1981; Балашов Д. М. Русская свадьба: Свадеб. обряд на Верх. и Сред. Кокшеньге и на Уфтысе (Тарног. р-н Вологод. обл.) / Д. М. Балашов, Ю. И. Марченко, Н. И. Калмыкова. — Москва: Современник, 1985; Байбурин А. К. К ареальному изучению русского свадебного обряда // Ареальные исследования в языкознании и этнографии: [Сборник статей] / Отв. ред. д-р филол. наук М. А. Бородина. — Ленинград: Наука. Ленингр. отделение, 1977. — С. 92–96 и др.

⁴ Гура А. В. Брак и свадьба в славянской народной культуре: Семантика и символика. — Москва: Индрик, 2012.

свадебных песен Белого моря»⁵ до осмысления русской традиционной свадьбы как «составной части народного театра»⁶, от анализа предметов материальной культуры, используемых в свадьбе⁷, до исследования отдельных жанров, образов и мотивов свадебной поэзии⁸.

Смех в свадьбе рассматривался, как правило, в работах, посвященных преимущественно корильным песням, приговорам дружки, а также отдельным обрядам послесвадебного этапа. Традиционным является представление о том, что на предсвадебном и свадебном этапах (до венчания) преобладает лирико-драматическое начало, и только начиная со свадебного стола, на первый план выходит смеховая стихия.

Лишь сравнительно недавно появились работы, в которых смеховое начало раскрывается в качестве одной из доминант свадьбы в целом как южнорусской, так и севернорусской. Так В. П. Кузнецова, анализируя севернорусскую свадьбу, отмечает, что, хотя смеховые действия в ней «совершались в основном в свадебный и послесвадебный дни», в некоторых «локальных вариантах они были приурочены к просватовству»⁹.

⁵ Лапин В. А. Опыт определения музыкальных диалектов русских свадебных песен Белого моря // «Уведи меня, дорога»: сборник статей памяти Т. А. Бернштам / под ред. Н. Е. Мазаловой и др. — Санкт-Петербург: МАЭ, 2010. — С.26–43.

⁶ Гусев В. Е. Истоки русского народного театра: Учебное пособие. — Ленинград: ЛГИТМиК, 1977.

⁷ Бернштам Т. А. Обряд «расставание с красотой»: К семантике некоторых элементов материальной культуры в восточнославянском свадебном обряде // Памятники культуры народов Европы и европейской части СССР: Сб. ст. / Отв. ред. Т. В. Станюкович. — Ленинград: Наука. Ленингр. отд-ние, 1982. — С. 43–66; Гвоздикова Л. С. «Девья красота» (картографирование свадебного обряда на материалах Калининской, Ярославской и Костромской областей) / Л. С. Гвоздикова, Г. Г. Шаповалова // Обряды и обрядовый фольклор: Сб. статей / Отв. ред. В. К. Соколова. — Москва: Наука, 1982. — С. 264–277 и др.

⁸ Самоделова Е. А. Рязанская свадьба: Исследование обрядового фольклора. — Рязань: Рязанский областной научно-методический центр народного творчества, 1993; Левинтон Г. А. К проблеме изучения корпуса свадебных песен // Народная песня. Проблемы изучения: Сб. науч. тр. / Сост. И. И. Земцовский. — Ленинград: ЛГИТМИК, 1983. — С. 143–152; Ивашнёва Л. Л. Функционально-семантическое единство поэзии и обрядов западнорусской свадебной традиции: Усвятский район Псковской области: автореферат дис. ... кандидата филологических наук. — Санкт-Петербург, 2001. и др.

⁹ Кузнецова, В. П. Смех в северно-русской свадьбе // Рябининские чтения '95: (Материалы международной научной конференции «Рябининские чтения-1995»). Сборник научных докладов. — Петрозаводск, 1997. — Цит. по: URL. http://kizhi.karelia.ru/specialist/pub/library/rjabinin_1995/17.htm (Дата

Интересной представляется интерпретация смеха в свадьбе, предложенная С. К. Лашенко. Проанализировав основные смеховые формы украинской традиционной свадьбы, она пришла к выводу, что свадьба в целом может быть определена как «богатейшее хранилище разнообразных смысловых значений смеха. < ... > каждый ритуал, каждый участник и тем более каждый его герой всегда были окружены особой смеховой аурой, смеховой символикой, смеховыми действиями, являясь покровителями смеха и одновременно покровительствуемыми им. В этом смысле можно сказать, что любая “клетка” сложнейшего “организма” свадебного обряда, любой его элемент таит в себе некий “генетический код” смеха, и каждый из них мог бы стать благодатным объектом для изучения истории развития смеховой традиции, а быть может, и философии смеха»¹⁰.

В отличие от смеха игровое и театральное начала в традиционной свадьбе давно привлекало внимание ученых. Более того, как справедливо отмечал В. Е. Гусев, «исследователями она (свадьба — М. М. Г.) часто определялась как вид народного театра». Ученый также считает, что игровая стихия свадьбы обусловлена не тем, что в нее «могли включаться отдельные игры», она заложена «в ее субстанциальной природе в целом»¹¹. На возможность описать свадебный обряд «в театральных терминах (пролог, эпилог, действие, акт, действующие лица, роли и т. п.)» указывал Н. И. Толстой¹².

И. Е. Карпухин также склонен видеть в свадьбе «сложный фольклорно-этнографический игровой комплекс», который можно рассматривать как «своеобразную народную пьесу <...> со множеством картин и действующих лиц», обладающий единым сюжетом, который объединяет «сложный комплекс обрядов и поэзии» в художественное целое¹³.

Однако трудно согласиться с таким несколько механическим приравниванием как традиционной свадьбы XIX — первой половины XX вв., так и современной ее версии к драматургическому произведению (или только театральной постановке — спектаклю). Тем более что ранее о подобном отождествлении как серьезной методологической ошибке

обращения: 17.10.2018)

¹⁰ Лашенко С. К. Заклятие смехом: Опыт истолкования языческих ритуальных традиций восточных славян. — Москва: Ладомир, 2006. — С. 138.

¹¹ Гусев В. Е. Указ. соч. — С. 41–42.

¹² Толстой Н. И. Элементы народного театра в южнославянской святочной обрядности // Толстой Н. И. Язык и народная культура: очерки по славянской мифологии и этнолингвистике. Изд. 2-е, испр. — Москва: Индрик, 1995. — С. 114.

¹³ Карпухин И. Е. Свадьба русских Башкортостана как фольклорно-игровой комплекс: Вопросы поэтики и межэтнических взаимодействий: автореферат дис. ... доктора филологических наук. — Москва, 1998. — С. 11.

предупреждал В. Е. Гусев. «Как ни соблазнительно сблизить членение свадьбы на эпизоды с делением на “сцены”, а распределение их по этапам — с делением на “акты” (что неоднократно делалось), это было бы натяжкой и преувеличением»¹⁴.

Образцы тонкого научного анализа театрално-игрового начала некоторых свадебных обрядов (например, сватовства), свадебной лирики (свадебные лирические песни и причитания на просватанье), свадебных персонажей (дружки) мы находим в указанной работе В. Е. Гусева. Он определил, что игровое начало в свадьбе было «предписано традицией», т. е. присуще ей по определению, выявляясь и проявляясь «все в большей степени» по мере изменения общественных и семейных отношений, в результате чего формировалась и выходила на передний план эстетическая функция театрализации — создание идеальных образов персонажей свадьбы¹⁵.

Н. И. Толстой уточнил и конкретизировал своеобразие театральности в фольклоре. Во-первых, она появляется тогда, когда действие «определенным образом отражает действительность и когда оно же отражает отношение к ней человека, когда деятели (“а’кторы”), перевоплощаясь, не являются сами собой, не тождественны самим себе». В результате такого перевоплощения, преобразования у действия возникает новая — эстетическая — функция, а «преобразование деятеля ведет к созданию художественного образа», при этом обязательным условием возникновения театрално-драматического начала, помимо перевоплощения, является «сюжетность действия», не менее значимо «разделение участников обряда (или фрагмента обряда) или какого-нибудь исполнения на активных и пассивных, на а’кторов и зрителей»¹⁶.

Актуальность темы исследования заключается в том, что смеховое начало в русской народной свадьбе и в отдельных составляющих ее обрядах, актах и поэтических жанрах не было предметом специальных исследований. Даже анализируя такие смеховые жанры, как корильные песни, приговоры дружки, свадебный обряд поиски «ярки», целиком организуемый смехом и нацеленный на создание смеха, ученые сосредотачивали свое внимание преимущественно на их ритуально-мифологических истоках и семантике, а не на прагматике, в которой смех был важнейшей компонентом. И это при том, что в многочисленных описаниях функционирования данных обрядов и жанров в свадьбе XIX — первой половине XX вв., в комментариях носителей традиции, а порою и при личном наблюдении фольклористов за свадебным процессом во второй

¹⁴ Гусев В. Е. Указ. соч. — С. 43.

¹⁵ Там же. — С. 42, 45–46, 50–52.

¹⁶ Толстой Н. И. Указ. соч. — С. 113–114.

половине XX в. несомненным было то, что именно смех — эмоциональная и обрядовая доминанта при их исполнении и восприятии, хотя о важности и значимости эмоции в обрядах и народной культуре в целом говорится уже давно. Так Т. А. Бернштам писала, что «эмоция является доминантной категорией культуры, т. е. присуща любой ситуации, бытовой и сакрально моделированной (обряд, игра, поведение), ибо чувство первично по отношению к мысли, слову и делу», а «в обрядовой культуре постоянно функционируют две равнозначные эмоциональные категории — смех и плач»¹⁷.

В целом же исследование эмоционального начала в ритуалах, в многочисленных магических практиках, в праздничной культуре стало в современной мировой фольклористике, этнологии и культурной антропологии одним из актуальных направлений, обусловленным антропологическим поворотом в социальных и гуманитарных науках.

Необходимость именно такого подхода в исследовании ритуала, в том числе русской народной свадьбы как традиционной, так и современной, — актуальная задача для отечественной фольклористики, а анализ смехового начала в русской народной свадьбе XIX — начала XXI вв., предпринятый в данной работе, — попытка решить ее применительно к русской свадьбе.

Актуальность данного диссертационного исследования также обусловлена и необходимостью введения в научный оборот неизвестного и малоизученного материала.

Объектом исследования является русский народный свадебный обряд XIX — начала XXI вв.

Предмет исследования — смеховые формы и жанры в русской свадьбе XIX — начала XXI вв.

Цель диссертационной работы состоит в исследовании способов воплощения смехового начала в обрядах, актах и вербальных устных и письменных текстах русской народной свадьбы XIX — начала XXI вв., а также определении того, на какой основе и в силу каких обстоятельств и причин смеховая театрализация становится фактором, определяющим развертывания обрядов и отдельных обрядовых актов, и какие при этом функции реализуются.

Достижение этой цели предполагает решение ряда **основных задач**:

— выявить в печатных изданиях и рукописных архивных фондах описания свадебных обрядов, отдельных актов, вербальные тексты, в которых присутствует смеховое начало;

— провести систематизацию выявленных материалов, определив

¹⁷ Бернштам Т. А. Феномен смех–плач в русской народно–православной культуре // Христианство в регионах мира: сборник / сост.: Т. А. Бернштам, Ю. Ю. Шевченко. Вып. 2. — Санкт-Петербург: МАЭ РАН, 2008. — С. 303.

наиболее значимые для исследования описания свадебных обрядов и произведения свадебной обрядовой поэзии;

— рассмотреть историю исследования смехового и театрально-игрового начала в русской народной свадьбе XIX — начала XXI вв. и установить наиболее продуктивные для настоящего исследования идеи и концепции;

— проанализировать своеобразие воплощения *смехового состязания* в обрядах сватовства, посещения девушками дома жениха, в свадебных обрядах в доме невесты утром в день венчания;

— провести исследование особенностей *испытания смехом* в испытательно-посвятительном обряде посещения молодой / молодыми водного источника в русской, мордовской и чувашской свадебной традициях, выявив структуру и функции обряда, типы водного источника, используемого в обряде, определить типологию участников и их действий в обряде;

— провести исследование особенностей *испытания смехом* в испытательно-посвятительном обряде «пахать пол», уделив особое внимание его составу, структуре и смеховому антиповедению молодой в обряде в контексте общефольклорных смеховых моделей поведения;

— исследовать своеобразие воплощения *смеха обмана и розыгрыша* в свадебной игре в «покойника», определив специфику ее бытования в свадьбе и вне свадьбы, а также наиболее значимые особенности ее семантики и прагматики в свадьбе;

— исследовать своеобразие воплощения *смеха обмана и розыгрыша* в обрядах со свадебным ложным персонажем / персонажами, установив типологию свадебных ложных персонажей и рассмотрев некоторые аспекты происхождения сценок со свадебным ложным персонажем / персонажами;

— рассмотреть специфику *посрамления смехом* в свадебных актах, позорящих «нечестную» невесту и ее семью, воплощенного прежде всего в предметном коде свадьбы — в использовании хомута, особо выделив способы посрамления, семантику, которую реализует хомут в рамках данного обряда, а также использование хомута в той же функции вне свадьбы;

— проанализировать воплощение *торжества смеха* в свадебном обряде второго дня поиска «ярки», определив состав и структуру данного обряда, особенности создания смеховых образов, наметив возможные пути решения вопроса о его происхождении, формировании и развитии;

— рассмотреть смеховые устные и письменные жанры в русской народной свадьбе XIX — начала XXI вв., в том числе устные смеховые свадебные тексты, такие как корильные песни, приговоры дружки, и письменные тексты XIX — начала XXI вв., уделив особое внимание

типологии смеховых письменных текстов на современной русской свадьбе.

Теоретико-методологическая база исследования. Современные исследования свадебного обряда опираются прежде всего на понимание его как одного из типов обряда перехода (*rites de passage*), сущность которых была раскрыта в начале XX в. Арнольдом ван Геннепом¹⁸, а также на труды А. К. Байбурина и Г. А. Левинтона, рассмотревших с точки зрения этой концепции русский свадебный обряд¹⁹. Важное теоретико-методологическое значение также имеют работы А. В. Гуры, осуществившего в своей итоговой монографии «Брак и свадьба в славянской народной культуре: Семантика и символика» реконструкцию славянского традиционного свадебного ритуала. В качестве образца историко-этнографического исследования русской свадьбы следует назвать монографию Н. В. Зорина «Русская свадьба Среднего Поволжья». Типологический анализ восточнославянской свадьбы, осуществленный К. В. Чистовым, дает надежный ключ к решению многих общих и частных проблем свадебного обряда. Анализ семантики свадебных обрядов и свадебной обрядовой лирики, продемонстрированный в исследованиях основоположников русской этнолингвистики Н. И. и С. М. Толстых и их последователей, помогает определять глубинную семантику как свадебных обрядов, так и их отдельных элементов. Принципиальное значение для данного исследования имеет работа Л. М. Ивлевой о ряженье в русской традиционной культуре²⁰. Определение функции обряда, конкретного элемента или акта в нем диктует необходимость обращаться к функциональному анализу, разработанному Б. Малиновским и П. Г. Богатыревым. Анализ смехового начала в свадьбе опирался на исследование ведущих ученых в области изучения смеха как важнейшего культурного феномена человечества — М. М. Бахтина, Л. А. Абрамяна, В. Я. Проппа, Д. С. Лихачева, А. М. Панченко, Л. В. Карасева, А. Г. Козинцева, Ю. А. Артемовой. Построение типологии свадебных обрядов, обрядовых актов

¹⁸ Геннеп А. ван. Обряды перехода: систематическое изучение обрядов / пер. Ю. В. Иванова, Л. В. Покровская. — Москва: Восточная литература РАН, 1999.

¹⁹ Байбурин А. К. Ритуал в традиционной культуре: Структурно-семантический анализ восточнославянских обрядов. — Санкт-Петербург: Наука, 1993; Байбурин А. К. К описанию организации пространства в восточнославянской свадьбе / А. К. Байбурин, Г. А. Левинтон // Русский народный свадебный обряд: Исследования и материалы / Под ред. К. В. Чистова и Т. А. Бернштам. — Ленинград: Наука. Ленинградское отд-ние, 1978. — С.89–105.

²⁰ Ивлева Л. И. Ряженье в русской традиционной культуре. — Санкт-Петербург: Рос. ин-т истории искусств, 1994.

осуществлялось с опорой на подходы, разработанные Б. Н. Путиловым в его монографии «Методология сравнительно-исторического изучения фольклора».

Источниками исследования послужили опубликованные записи русских народных свадебных обрядов и вербальных свадебных текстов XIX — начала XXI вв.; архивные материалы Научно-образовательного центра «Традиционная культура и фольклор Ульяновского Поволжья» им. Д. Н. Садовникова Ульяновского государственного педагогического университета им. И. Н. Ульянова, а также материалы архива кафедры русской литературы Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена, архива кафедры устного народного творчества Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова, архива кафедры русской и зарубежной литературы Марийского государственного университета, архива Сыктывкарского государственного университета им. Питирима Сорокина, личные архивы И. А. Морозова и И. С. Слепцовой.

Научная новизна исследования определяется прежде всего тем архивным материалом, который впервые вводится в научный оборот. Также в работе впервые проведен структурно-типологический, функциональный и семантический анализ такого обряда, как посещение молодой / молодыми водного источника; раскрыто, что свадебная игра в «покойника», представляющая собой яркое импровизированное смеховое театрально-игровое действие, не только типологически совпадает с соответствующей святочной игрой, но и восходит к ней, в то же время обладая рядом принципиальных отличий. Впервые показано, что смех в посвячительно-испытательном обряде второго дня «пахать пол» мог возникать в результате действий не только окружающих, но и самой молодой, которая сознательно строила свои действия по принципам антиповедения глупцов и дураков анекдотов и сказок, тем самым как бы приближаясь к образу шута, который для достижения своих целей надевал маску дурака, благодаря чему, как и он, выходила победителем в состязании с умными людьми. В системе свадебных персонажей впервые выделен тип, который условно можно назвать свадебным ложным персонажем, а все многообразие сценок с ним сгруппировано в два основных типа. Впервые раскрыто, что посрамление «нечестной» невесты смехом при помощи хомута было только одним из способов такого посрамления и совпадало с таким же наказанием за другие социально-нравственные преступления, а смех, возникавший в данном случае, был весьма специфичен по сравнению со смехом на других этапах свадебного обряда и выполнял не ритуальные, а скорее социально-нормативные функции. В работе впервые дано подробное описание обряда поиска «ярки» и

доказано, что его формирование происходит на рубеже XIX — XX вв. на основе существовавших в свадебной традиции смеховых типов и форм и что во второй половине XX в. он становится центром обрядности второго дня во многих регионах России. В проведенном исследовании впервые разработана типология письменных свадебных текстов на современной русской свадьбе, которые почти полностью вытеснили свадебно-обрядовую поэзию предыдущих эпох, порою выполняя при этом те же или близкие социально-обрядовые функции и обладая не менее значимой для участников обряда эстетической привлекательностью.

Основные положения, выносимые на защиту:

1. В русском народном свадебном обряде XIX — начала XXI вв. наиболее ярко воплощается и раскрывается *смех как действие, смех как тип поведения*, выполняющий в этом своем статусе разнообразные ритуальные и социально-психологические функции.

2. Смех может быть доминантой в состязании двух брачующихся сторон, так что в этом случае можно говорить о *смеховом состязании*. Представители одного из семейно-родовых или социальных сообществ порою смехом испытывают участника или участников обряда, поэтому здесь мы имеем *испытание смехом*. Некоторые свадебные акты, являясь специфической формой социально-этического наказания человека, также включают в себя смех, что приводит в конечном итоге к *посрамлению смехом*. Смех может быть целью *розыгрыша или обмана*. И, наконец, смех может полностью определять свадебный обряд, как это происходит, например, в обряде поиски «ярки», являя собой *торжество смеха*.

3. *Смеховое состязание* наиболее полно проявлялось в обрядах сватовства, посещения девушками дома жениха и свадебных обрядах в доме невесты утром в день венчания. Оно реализовывалось в своеобразном смеховом поединке брачующихся сторон, который мог разворачиваться как речевая игра с использованием устной и письменной речи, стереотипных, формульных речевых конструкций, произведений свадебной поэзии и как спонтанная речь. Смеховой диалог мог также включать в себя в качестве отдельных реплик невербальные компоненты (предметы, действия), в результате чего ответом на иносказательное формулирование цели прихода становилось действие, представляющее собой буквальное, а не символическое прочтение формулы сватовства и следование этому буквальному смыслу — сознательное или нет. Возможно было и сознательное антиповедение одного из участников обряда, представляющее собой шутовскую проделку. Все это способствовало превращению обряда в яркое театрализованное действо импровизированного характера.

4. *Испытание смехом* наиболее полно проявлялось в обрядах посещения молодой / молодыми водного источника и обряде «пахать» пол.

Эти реальные испытания молодой на знание ею правил внутрисемейного этикета, умение быстро и хорошо выполнять женскую домашнюю работу становились для нее одновременно испытанием смехом, ибо родные жениха своими действиями стремились создать такую ситуацию, при которой она выглядела бы смешной, ничего не знающей и не умеющей дурочкой. Возникающая в результате сознательных действий родных мужа невозможность достичь желаемого результата должна была помочь испытуемой понять, что в чужой семье главное значение имеют не ее личные умения и усилия, а воля и желание старших, к которым она, в конце концов, обращалась за помощью и которые оказывали ее, благополучно разрешая ситуацию. В некоторых региональных традициях не другие создают из молодой образ неумехи, поднимая ее на смех, а она сама совершала такие действия, которые квалифицировались как действия «дурочки», превращая себя в объект осмеяния. Совпадая таким поведением с антиповедением глупцов и дураков анекдотов и сказок, молодая на самом деле как бы надевала маску дурака, сближаясь этим с шутом, благодаря чему, как и он, выходила победителем в состязании с умными людьми.

5. Во многих актах, обрядовых сценках предсвадебного, свадебного и послесвадебного периодов обнаруживаются такие действия одной из сторон или даже обеих сторон, которые могут быть определены как *обман или розыгрыш*. Одним из интереснейших видов такого обмана-розыгрыша в русской традиционной свадьбе XIX — XX вв. можно считать игру в «покойника». Свадебная игра в «покойника» не только типологически совпадает с соответствующей святочной игрой, но и восходит к ней, в то же время обладая рядом принципиальных отличий. В послесвадебной обрядности игра в «покойника» адаптировалась и получила дальнейшее развитие, превратившись в яркое импровизированное смеховое театральное-игровое действие.

6. Очень ярко *обман-розыгрыш* проявлялся в разнообразных актах и обрядовых сценках со свадебным ложным персонажем — участниками свадьбы, связанными или нет родственными отношениями с родом жениха или невесты, которых презентуют или которые сами себя презентуют за жениха или невесту, или за брачную пару. Эта презентация создавалась с явной и осознанной установкой на смех, смеховой была и реакция воспринимающей стороны. Многообразие сценок со свадебным ложным персонажем можно свести к двум основным типам на основе того, каким образом происходит замещение ложным персонажем подлинного: ложный персонаж замещает подлинного, презентуясь **вместе** с ним, и ложный персонаж замещает подлинного презентуясь **вместо** него. Особо выделяется т. н. шутовская свадьба, которая обладала хорошо развитой

вариативностью, выразительной театральностью и представляла собой одну из ярких областей русского народного смехового мира.

7. *Посрамление смехом* наиболее полно и ярко раскрывается в смеховом посрамлении «нечестной» невесты, т. е. девушки, утратившей девственность до свадьбы. Главным способом такого смехового наказания в восточнославянской, в том числе и русской, свадьбе было надевание хомута или его субститута на невесту и / или ее родных, некоторых свадебных персонажей (дружку, свата, сваху и др.). Осмеяние и опозоривание при помощи хомута было характерно не только для свадебной традиции — это одна из самых распространенных форм наказания в рамках обычного права. Поэтому хомут на шею человека (невесты, ее родителей, свахи, свата и др.), являясь одновременно знаком преступления и наказания, в то же время создавал традиционный смеховой образ, подчеркивавший изъятие человека из социальной структуры, его положение изгоя. А мифологическая семантика предмета, сформировавшаяся в ритуально-магических практиках, придавала этому изгнанию более широкое значение — выводила наказуемого за границы человеческого. Смех, возникавший в данном случае, был весьма специфичен по сравнению со смехом на других этапах свадебного обряда и выполнял не ритуальные, а скорее социально-нормативные функции.

8. *Торжество смеха* характеризует свадебный обряд второго дня, который во многих регионах России именуется как поиски «ярки». В нем смех создавал мощную и всепобеждающую стихию карнавального разгула, втягивая при этом в себя действия, устные и письменные песенные и прозаические произведения соответствующего содержания. Русская и — шире восточнославянская свадьба уже в XIX — начале XX в. обладала богатой, разнообразной и хорошо развитой традицией ряженья, фарсовых действий ряженных над участниками свадьбы и жителями села, театрально-игровых импровизированных сценок, обыгрывавших как свадьбу, родину, похороны, так и некоторые типичные бытовые ситуации. На основе этих традиций и формируется, вероятно, в конце XIX — начале XX в. новый обряд, который оказался способным не только аккумулировать уже существовавшие свадебные смеховые типы и формы, но и получить бурное распространение и дальнейшее развитие, приобрести сюжетную оформленность и стать центром обрядности второго дня во многих регионах России.

9. В обряде поиски «ярки» основные действующие лица перевоплощаются, становятся по-театральному не равны себе, так что в итоге создаются художественные образы — *старухи, пастуха, цыганки, милиционера, фельдшера* и др. Важнейшей особенностью этих образов является смеховая, доходящая до фарса трансформация одного

из социально-профессиональных и половозрастных типов. Эта же стилевая особенность определяет и акциональную сторону представления — систему действий, организующих сюжет всего «спектакля». А разыгрывание его в широком пространстве села, в домах жителей и в доме родителей молодого и молодой, когда даже там далеко не все вовлекаются в действие, позволяет говорить о достаточно явном разделении присутствующих на активных и пассивных участников, на «а'кторов и зрителей», что делает это театрализованное действо типологически схожим с такими народными спектаклями, как «Шайка разбойников», «Лодка» и с современными т. н. уличными театрами. Именно в них, с одной стороны, ведущее и организующее начало принадлежит актерам, большая часть публики остается пассивными зрителями, но с другой стороны, стирается отчетливая и эстетически значимая граница между сценой и зрительным залом, актерами и зрителями, спектакль вовлекает многих из них в свое пространство, приобретает импровизационность и в итоге рождается как результат их творческого взаимодействия.

10. В русской народной свадьбе XIX — начала XXI вв. большую роль в создании смехового мира играли и играют *устные и письменные тексты*. Смеховые устные тексты (корильные песни, приговоры дружки) составляли важнейшую часть традиционного русского свадебного обряда. Будучи связаны в своем происхождении с самыми разнообразными мифологическими представлениями и верованиями, они в дальнейшем утратили эту семантику и, возможно, благодаря скоморохам, стали неотъемлемым компонентом свадьбы в частности и народной смеховой культуры в целом.

11. В современной русской свадьбе ведущую роль играют *смеховые письменные тексты*. Они воспроизводят в смеховом ключе разнообразные официальные документы, существующие в современной культуре. Чаще всего это тексты, устно произносимые, точнее говоря зачитываемые на свадьбе, но созданные по законам письменного творчества, оформленные по правилам письменной графики и вручаемые после зачитывания в виде письменного документа участнику свадьбы.

12. Эти смеховые письменные тексты могут быть сгруппированы в широкие классы или типы в зависимости, во-первых, от того, какой официальный документ послужил основой для создания свадебного текста, а во-вторых, от того, какую функцию они выполняют в брачно-свадебном процессе. Например, можно выделить класс *статусных* документов. Второй класс — *описательные* документы. Третий класс — *функциональные* документы. Четвертый класс — *испытательные*. Пятый класс — *информативные* документы. Шестой класс — *поздравительные* документы. Седьмой класс — *обвинительные* документы. Есть достаточно

большая группа документов, в которых нельзя выделить какую-либо одну доминирующую функцию. В целом письменные документы современной русской свадьбы в городе, частично и в сельской местности, почти полностью вытеснили свадебно-обрядовую поэзию предыдущих эпох, порою выполняя при этом те же или близкие социально-обрядовые функции и обладая не менее значимой для участников обряда эстетической привлекательностью.

Теоретическая значимость исследования. Основные положения и выводы диссертации могут быть полезны в процессе дальнейшего исследования смехового начала в традиционных календарных обрядах, традиционной свадьбе других народов России и современной городской и сельской свадьбе.

Практическая значимость настоящего исследования заключается в том, что его результаты могут быть использованы при разработке учебных курсов по фольклору на филологических факультетах высших учебных заведений, при разработке спецкурсов по традиционной и современной русской народной свадьбе. Результаты исследования могут быть также учтены при разработке программ по собиранию и исследованию свадебной традиции в прошлом и настоящем.

Апробация работы. Диссертационная работа обсуждена на заседании кафедры русского языка, литературы и журналистики Ульяновского государственного педагогического университета им. И. Н. Ульянова от 18.09.2019 года и рекомендована к защите в диссертационном совете по специальности 10.01.09 — Фольклористика.

Основные теоретические положения диссертации и результаты исследования нашли отражение в более чем 70 опубликованных работах автора, в том числе в монографиях «Смеховые театральные-игровые формы в русской традиционной свадьбе XIX — XX вв. (Москва, 2013, 10,8 п.л.), «Смех в русской народной свадьбе XIX — XXI вв.: Типологический и функциональный аспекты» (Ульяновск, 2015 г., 15,8 п.л.), «Смеховые устные и письменные жанры в русской народной свадьбе XIX — начала XXI вв.» (Ульяновск, 2015, 4, 4 п.л.), а также в 20 научных статьях, опубликованных в журналах, входящих в Перечень ведущих рецензируемых научных журналов и изданий, рекомендованных ВАК, в том числе в 3 статьях в изданиях, входящих в международные реферативные базы данных и системы цитирования Web of Science.

Также результаты исследования были представлены в виде докладов на зарубежных (Республика Беларусь, 2011 г.), международных (XV Международная научная конференция «Славянская традиционная культура и современный мир. Комплексные исследования традиционной культуры в постсоветский период» (г. Москва, 2010 г.), XVI Международная

научная конференция «Славянская традиционная культура и современный мир: Стратегии и практики полевых исследований» (г. Москва, 2011 г.), XVII Международная научная конференция «Славянская традиционная культура и современный мир: Между архивом и сценой» (г. Москва, 2012 г.), XVIII Международная научная конференция «Славянская традиционная культура и современный мир: Мультифольклорное пространство Поволжья» (г. Тверь, 2014 г.), XIX Международная научная конференция «Славянская традиционная культура и современный мир: Фольклорные традиции в поликультурных зонах России» (г. Торжок, 2014 г.), XX Международная научная конференция «Славянская традиционная культура и современный мир» (г. Москва, 2015 г.), XXI Международная научная конференция «Славянская традиционная культура и современный мир. Фольклорное пограничье: география, история, духовная культура» (г. Москва, 2016 г.), XXII Международная научная конференция «Славянская традиционная культура и современный мир: Образ — предмет — человек — ремесло в фольклоре и традиционной культуре» (г. Москва, 2017 г.), XXIII Международная научная конференция «Славянская традиционная культура и современный мир. Поле и архив: фольклористика в XXI веке» (г. Пермь, 2018 г.), XXIV Международная научная конференция «Славянская традиционная культура и современный мир. Отчий дом, малая Родина, родная страна: многообразие фольклорных традиций России» (г. Йошкар-Ола, 2019 г.); Второй международный научный конгресс «Восток и Запад: этническая идентичность и традиционное музыкальное наследие как диалог цивилизаций и культур» (г. Астрахань, 2013 г.), Третий международный научный конгресс «Восток и Запад: этническая идентичность и традиционное музыкальное наследие как диалог цивилизаций и культур» (г. Астрахань, 2015 г.), Международная этномузыкологическая конференция «Гиппиусовские чтения — 2015: Региональные исследования в музыкальной фольклористике» (г. Москва, 2015 г.), Международная конференция «Типичное и уникальное в славянском фольклоре» (г. Москва, 2016 г.), Международная научная конференция, посвященная 100-летию со дня рождения Татьяны Владимировны Станюкович (1916-1992) (г. Санкт-Петербург, 2016 г.), Международная научная конференция «Праздники и обряды в Урало-Поволжье: традиции и новации в современной культуре» (г. Самара, 2016 г.), XVI Международная научная конференция «Ономастика Поволжья» (г. Ульяновск, 2017 г.), Международная научная конференция «Региональные исследования в фольклористике и этнолингвистике — проблемы и перспективы» (г. Москва, 2014 г.), всероссийских научных конференциях («Наследие П. Г. Богатырева и современность (к 120-летию со дня рождения ученого)» (г. Москва, 2013 г.), III Всероссийская научно-

практическая конференция «Традиционная народная культура как основа национального самосознания» (г. Санкт-Петербург, 2008 г.); Всероссийская научная конференция «Фольклор Большой Волги» (Саратов, 2014 г.); Петр Григорьевич Богатырев и его время: Научные чтения к 125-летию со дня рождения ученого (г. Москва, 2018 г.); Всероссийская конференция с международным участием «Фольклор и современность», посвященная 90-летию со дня рождения Нины Ивановны Савушкиной (г. Москва, 2019) и др.), в том числе на Втором Всероссийском конгрессе фольклористов (г. Москва, 2010 г.), Третьем Всероссийском конгрессе фольклористов (г. Москва, 2014 г.), Четвертом Всероссийском конгрессе фольклористов (г. Тула, 2018 г.), на VII Конгрессе этнографов и антропологов России (г. Саранск, 2007 г.), VIII Конгрессе этнографов и антропологов России (г. Оренбург, 2009 г.), IX Конгрессе этнографов и антропологов России (г. Петрозаводск, 2011 г.), X Конгрессе этнографов и антропологов России (г. Москва, 2013 г.), XI Конгрессе антропологов и этнологов России (Екатеринбург, 2015 г.), XII Конгрессе антропологов и этнологов России (Ижевск, 2017 г.), XIII Конгрессе антропологов и этнологов России (Казань, 2019 г.).

Структура работы. Диссертация состоит из введения, шести глав, заключения, списка использованных источников (371 наименование). Общий объем работы – 411 страниц текста.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ ДИССЕРТАЦИИ

Введение. Во введении содержатся краткие сведения по истории изучения смехового театрально-игрового начала в русской народной свадьбе; обосновывается актуальность темы диссертации; формулируются цели и задачи, определяются объект и предмет исследования; представляются основные положения, выносимые на защиту; характеризуются методологические принципы, степень научной новизны, теоретическая и практическая значимость диссертационного исследования; даны сведения об апробации результатов работы.

Первая глава «**Смеховое состязание**» состоит из трех разделов. В первом разделе «**Смеховое состязание в обряде сватовства**» раскрывается, как и на какой основе возникает смех в обряде сватовства. Показывается, что в нем особую роль играли речевые формулы, которые использовались обеими сторонами, так что в итоге возникал свадебный диалог. При этом иносказательность и формульность могли быть присущи высказываниям каждой из сторон, а их произнесение могло иметь ярко выраженную смеховую установку. Иногда речевые формулы, отдельные действия сватов в процессе обрядового развертывания помимо ритуальной или этикетной функции приобретали еще и эстетическую, превращаясь или в

речевое состязание, или в импровизированные театрализованные сценки. Можно выделить два способа такого развития. Иносказательная речь свата или свахи могла породить такой же иносказательный ответ со стороны родных невесты, так что в результате возникало «своеобразное состязание в искусстве вести иносказательный диалог» (В. Е. Гусев), который также можно назвать языковой игрой. Подобный тип речевой коммуникации порождал смеховое состязание в мастерстве владения иносказательной речью и проходил через всю свадьбу. Именно так во многих регионах России строилось состязание между сватами, поезжанами жениха и родственниками невесты.

Второй способ создания смехового эффекта связан не с речевым поведением, а с акциональным. Ответом на иносказательное формулирование цели прихода могло стать действие, представлявшее собой буквальное, а не символическое прочтение формулы и следование этому буквальному смыслу — сознательное или нет. Иносказательная речь могла вызвать не традиционный ритуальный ответ, а бытовой, т. е. прочитывалась буквально, но в некоторых случаях именно это становилась толчком к созданию импровизированной мини-сценки, так что возникал комический эффект своеобразно реализованной метафоры. При этом смеховое театральное-игровое развитие обрядовой ситуации оказывалось возможным благодаря особому типу личности, для которого смеховое и игровое конструирование реальности являлось не спонтанным или ситуативным, а постоянным качеством, доминантой его бытового и социального поведения. В этом случае перед нами поведение, которое можно назвать шутовским, ибо оно соответствует проделкам шута, воплощенным в сказках, а также в некоторых бытовых и социальных ситуациях. Но смеховое начало в обряде сватовства могло возникать и в результате непонимания одной из сторон иносказательности речи, особенно тогда, когда внешний план высказывания неожиданно совпадал с определенной жизненной реалией.

Третий способ возникновения смехового начала рождался в результате сознательного антиповедения одного из участников обряда, что также может быть интерпретировано как шутовская проделка.

В некоторых случаях весь ритуал сватанья изначально строился участниками как комическая мини-сценка, в которой была и иносказательная речь, и своеобразные роли «актеров» (сваты со стороны жениха), и ответная активная реакция «зрителей» (сторона невесты).

Смеховое начало пронизывает не только начало сватовства, но и его завершение²¹. При этом отказ жениху, выраженный при помощи предметов,

²¹ Березович Е. Л. Язык и традиционная культура: этнолингвистические исследования / Отв. ред. С. М. Толстая. — Москва: Индрик, 2007. — С. 243.

помимо обрядовой семантики создавал мощное смеховое поле, которое в пространстве свадебного обряда было связано со всеми другими и весьма многообразными формами и способами осмеивания сторонами друг друга.

Во втором разделе **«Смеховое состязание в обряде посещения девушками дома жениха»** показывается, что оно не ограничивалось только сватовством, а в различных вариантах существовало и на других этапах свадьбы. Красочно развертывалось состязание смехом в обряде посещения девушками дома жениха, цель которого — передать рубашку, специально сшитую или купленную ему невестой для свадьбы. Очень часто участники обряда, следуя его комической доминанте, превращали обряд в яркое театрализованное действие импровизированного характера. В смеховом ключе могло развертываться и важнейшее, с точки зрения обряда, действие стороны жениха — угощение «продавцов рубашки». В таком случае оно также представляло собой смеховой ответ на комические импровизации девушек, но могло и предшествовать им.

В третьем разделе **«Смеховое состязание в свадебных обрядах в доме невесты утром в день венчания»** рассматриваются различные диалоги между брачующимися сторонами. Ю. А. Крашенинникова, анализируя один из вариантов такого диалога — диалога у закрытых дверей, называет его «словесным диалогом-поединком», который вели представители «двух родов: дружки и представитель рода невесты (брат, отец, особый “староста” и др.)»²². Нередко такие диалоги, как и во время сватовства, включали в себя смеховое начало. Не исчезало оно и из диалогов, происходивших между теми же участниками свадьбы в доме невесты.

Смеховое состязание в форме речевого поединка сохранилось и получило развитие в современной русской сельской и городской свадьбе. При этом, как и в XIX веке, носители традиции особо выделяли это умение и считали его важнейшим для «главных действующих лиц» свадьбы. Также дальнейшее развитие в современной свадьбе получило не вербальное состязание сторон, а акциональное оформление смехового диалога, при котором могли быть использованы предметы, приобретающие в конкретной свадебной ситуации смеховое значение (например, выставление на стол для гостей пищевых отходов вместо праздничного угощения).

Во второй главе **«Испытание смехом»** в первом разделе **«Посвятительно-испытательные обряды утра второго дня свадьбы»** рассматривается один из тех видов работ, которые молодая должна была выполнить в доме мужа, чтобы подтвердить свою готовность к замужней жизни. Как и всякое первое действие, эти домашние дела, с одной стороны, имели ритуальный характер, а с другой стороны, в XX в. воспринимались как действительное испытание её умения выполнять домашнюю женскую

²²

Крашенинникова Ю. А. Указ. соч.

работу. Часто подобные испытания становились для молодой одновременно испытанием смехом, ибо родные жениха своими действиями стремились создать такую ситуацию, при которой она выглядела бы смешной.

Среди послесвадебных обрядов второго дня (в некоторых региональных и локальных традициях — третьего) русской традиционной свадьбы, обладающих яркой театральностью и смеховым началом, особо выделяется обряд посещения водного источника молодой / молодыми. Этот обряд существовал и отчасти существует и по сей день у финно-угорских и тюркских народов, в частности у мордвы и чувашей. Для него характерна весьма развитая структура, включавшая большое количество элементов. Сформировался и развивался данный обряд, вероятно, на основе, с одной стороны, мифологических представлений, связанных с водой и водными источниками, а с другой — с общинными и семейно-родовыми нормами и законами, регулировавшими включение молодой и новой семьи в существующие сельские социальные общности. Смеховое начало, нацеленное на молодую, обрядовое испытание ее смехом нельзя интерпретировать исключительно как позднее образование, как результат утраты ритуально-магического в обряде. Оно неотъемлемое и важное его составляющее. Однако весьма показательно, что в большинстве региональных и локальных традиций смех, за редким исключением, не обнимает его целиком, локализуется только в некоторых фазах обряда, определяющих главные акты в нем — допуск молодой к водному источнику, добывание в нем воды, принесение воды в дом. Такое выделение отдельных моментов ритуала обусловлено, прежде всего, тем, что «ритуальные контексты в основном направлены на подтверждение и / или реконфигурацию социальных сетей», и потому «мы должны ожидать появление эмоциональных выражений в ключевые моменты ритуальных действий»²³.

Во втором разделе главы «**Обряд “пахать” пол**» анализируется еще один послесвадебный посвячительно-испытательный обряд, который, как и предыдущий, совершался над молодой. Это обряд подметания молодой мусора в избе, в которой происходил свадебный пир. В некоторых регионах России для номинации этого акта использовались традиционные лексемы или словосочетания — *порошить* и *пахать пол*. Однако в подавляющем большинстве записей как XIX, так и XX веков никакого специального термина для данного действия не указано, хотя сам акт зафиксирован на всей территории России.

Обряд мог начинаться как бытовое действие — молодая утром на второй день убирала мусор, например, солому, ибо в некоторых регионах

²³ Berthomé F., Houseman M. Ritual and Emotions // Religion and Society. 2010. № 1. p. 58.

на свадьбу специально застилали пол соломой. Однако вскоре гости отправлялись на двор, приносили новые охапки соломы и заваливали ими пол. Это превращало бытовое действие в ритуальный акт, призванный сделать действие молодой невыполнимым и одновременно высмеять ее за неумение совершить такое простое дело.

В поздних вариантах свадьбы сор мог возникать в результате других ритуально-значимых действий ее участников. Например, специально били горшки, чтобы поднять молодых с брачной постели.

В некоторых региональных традициях не другие создают из молодой образ неумехи, поднимая ее на смех, а она сама, совершает такие действия, которые квалифицируются как действия «дурочки», например не выметает мусор, а разметает его по избе, в результате чего становится объектом осмеяния.

Такое поведение имеет явное сходение с т. н. антиповедением²⁴. Действия молодой в этом случае явно и сознательно направлены на создание ею образа «дурочки», вызывающей смеховую реакцию окружающих. Такое поведение свадебного персонажа имеет явное типологическое сходение с поведением героя анекдотов о глупцах и сказочного дурака. Близок создаваемый в данных сценках и сопровождающих их текстах образ молодой образам невесты и жены, творимым балаганным дедом.

Таким образом, в данном цикле действий, совершаемых молодой на второй или третий день свадьбы, можно выделить три варианта: 1) действия молодой строятся строго в соответствии с правилами внутрисемейного этикета, окружающие поощряют ее к выполнению их, так что в итоге молодая получает заслуженное одобрение старших в семье мужа; 2) действия молодой строятся строго в соответствии с правилами внутрисемейного этикета, но окружающие препятствуют ей выполнить задания, высмеивают ее, придавая испытанию игровую форму; 3) действия молодой строятся по законам игрового антиповедения с нарочитым нарушением всех правил, вызывая вполне оправданный смех над ней. В итоге во втором и третьем случае для окружающих она становилась «дурочкой». Но между этими двумя сходными ситуациями есть принципиальное различие. В первом и втором случаях поведение испытуемой носило предельно серьезный характер, выполнение заданий для нее имело важное значение, так как способствовало созданию положительного образа в глазах окружающих. Возникающая в результате сознательных действий родных мужа невозможность достичь желаемого результата должна была помочь испытуемой понять, что в чужой семье

²⁴ Успенский Б. А. Антиповедение в культуре Древней Руси // Успенский Б. А. Избранные труды. Т. I. Семиотика истории. Семиотика культуры. Изд. 2-е, испр. и доп. — Москва: Школа «Языки русской культуры», 1996. — С. 460.

главное значение имеют не ее личные умения и усилия, а воля и желание старших, к которым она, в конце концов, обращалась за помощью и которые оказывали ее, благополучно разрешая ситуацию. В третьем случае, когда испытуемая сама сознательно и целенаправленно творила своими игровыми действиями из себя образ дурочки, вызывая смех окружающих, можно видеть, с одной стороны, один из распространенных способов психологической защиты человека в стрессовых ситуациях²⁵. А с другой стороны, совпадая таким поведением с антиповедением глупцов и дураков анекдотов и сказок, молодая на самом деле как бы надевала маску дурака, сближаясь этим с шутком, благодаря чему, как и он, выходила победителем в состязании с умными людьми.

Во всех указанных случаях осмеяние молодой было неотъемлемой частью этой завершающей фазы обряда перехода, проходя которую она преодолевала *чуже-родность* и входила в упорядоченный и системно организованный мир другой семейной и социальной общности. Именно поэтому смех в данном случае выполнял одновременно дифференцирующие и интегрирующие функции.

В третьей главе «**Смех обмана и розыгрыша**» показывается, что во многих актах, обрядовых сценках предсвадебного, свадебного и послесвадебного периодов обнаруживаются такие действия одной из сторон или даже обеих, которое могут быть определены как *обман или розыгрыш*.

В первом разделе в качестве примера анализируется **свадебная игра в «покойника»**, которая представляла собой небольшую сценку, разыгрывавшуюся на второй день свадьбы. Она могла входить в качестве своеобразной интермедии в состав обряда «поиски обрядового животного» (на территории Ульяновской области он носил название *поиски «ярки»*) или исполняться как самостоятельное и отдельное представление.

Учитывая особую значимость «пространственной структуры обряда» (М- и F-локусы)²⁶, можно выделить три основные версии игры в зависимости от места разыгрывания сценки: *дом жениха, дом невесты, на улице во время перехода от дома жениха к дому невесты*. Внутри каждой версии в свою очередь существовали варианты игры в зависимости от завершения сценки. Во-первых, она могла завершаться «воскресением» покойника в результате целенаправленных действий одного из персонажей, во-вторых, покойник мог «оживать» сам и, в-третьих, ни «воскресения», ни «оживления» не происходило. Вариативна была и центральная часть

²⁵ Gervais M. The evolution and functions of laughter and humor: a synthetic approach // The quarterly review of biology. — 2005. — Vol. 80. — № 4. — P. 403.

²⁶ Байбурин А. К. К описанию организации пространства в восточнославянской свадьбе. — С. 89–90.

сценки — она могла включать в себя пародийное отпевание и лечение, только отпевание или только лечение. В некоторых вариантах особо выделяется сочетание плача и смеха, шутовского отпевания и разнузданной пляски возле «покойника», которого, в конце концов, тоже включают в это безудержное веселье.

Различны были способы изображения «покойного», действия над ним, реакция участников сценки и зрителей. Самый простой способ — положить на лавку или стол мужчину или женщину и накрыть его / ее каким-либо белым материалом — простыней, ватолой и проч. Среди действий, совершаемых над «покойником», были прежде всего разнообразные способы его «лечения». Участники сценки, например, «доктор», а иногда и зрители, щекотали «покойника», снимали с него одежду. От «покойника» же требовалось одно — не двигаться, не говорить, не смеяться. Отпевание, пародирующее церковное, совершалось в соответствии с народной смеховой святочной традицией — кто-либо наряжался попом, вместо кадила брали лапоть, а окропляли, взяв в руки веник и макая его в воду.

Причитания, исполняемые над «покойником», представляли собой преимущественно импровизированные вопли или заплачки.

Эта традиция, например, на территории Ульяновской области, имела в XX в. достаточно большое распространение и обладала богатой и развитой театрально-игровой выразительностью. Зафиксирована эта свадебная игра и в других регионах России. Существовала она не как отдельное и уникальное свадебное явление, а была частью большой, весьма разнообразной и многообразной традиции, активно бытовавшей в XIX — XX вв., прежде всего, в святочной обрядности. Близка она и к таким игровым и хороводным песням весеннего цикла, как «Кострома», «Дударь» и др., народной драме «Маврух», сценке похорон в кукольном театре Петрушки. Имитацию похорон с последующим воскрешением «покойника» представляли собой некоторые детские игры, бывшие таким же игровым освоением похоронной традиции, какой была и игра в свадьбу. В похоронно-поминальной традиции восточных, западных и южных славян также существовали игровые действия, близкие святочной игре в «покойника, и еще в начале XX в. они были живой традицией на Западной Украине.

Принципиально значимо, что в свадьбе как одном из вариантов *rite de passages* данная игра была приурочена к послесвадебному периоду, т. е. третьей фазе этого типа ритуала — «реинкорпорации в коллектив»²⁷. Для этой фазы характерны три типа обрядов и обрядовых актов, которые могут

²⁷ Байбурин А. К. Похороны и свадьба / А. К. Байбурин, Г. А. Левинтон // Исследования в области балтославянской духовной культуры: (Погребальный обряд). — Москва: Наука, 1990. — С. 68.

быть определены как очистительные, испытательные и посвячительные. Во многих из них важную ритуальную роль играет смех. Но именно игра в «покойника» не вписывается ни в один из этих типов, весьма затруднительно определить ритуальную семантику смеха, который пронизывает ее.

Учитывая, что похоронно-поминальная традиция, как известно, древнее не только свадебной, но и календарной, можно предположить, что, во-первых, игра в «покойника», представляющая собой инсценирование похоронного ритуала, есть своеобразное его «цитирование» в рамках календарной обрядности²⁸ или явление вторичной ритуализации²⁹, а, во-вторых, в свадебном обряде она, в свою очередь, является «цитатой» календарного обряда. В послесвадебной обрядности игра в «покойника» не только адаптировалась, но и получила дальнейшее развитие, превратившись в яркое импровизированное смеховое театральное-игровое действие. По-видимому, в процессе такого развития происходило, с одной стороны, упрощение святочной традиции, а с другой — формирование новых версий игры.

Очень ярко обман-розыгрыш проявлялся в разнообразных актах и обрядовых сценках со свадебным ложным персонажем, анализу которых посвящен второй раздел главы «**Сценки с ложным свадебным персонажем**». Под ложным свадебным персонажем понимаются участники свадьбы, связанные или нет родственными отношениями с родом жениха или невесты, которых презентуют или которые сами себя презентуют за жениха или невесту, или за брачную пару.

Подобные сценки зафиксированы на всех этапах свадьбы и практически во всех ее наиболее значимых и важных обрядах. Важно и то, что все они создавались с явной и осознанной установкой на смех, смеховой была и реакция воспринимающей стороны.

Ложный свадебный персонаж и сценки с ним отмечены в свадьбе Тамбовской, Нижегородской, Орловской, Калужской, Самарской, Симбирской губерний, Тверской, Владимирской, Новгородской, Архангельской, Саратовской, Оренбургской, Псковской, Ульяновской областей, Республики Коми, Республики Марий-Эл и др. регионов России. Присутствовала эта традиция в украинской, белорусской, польской, чешской, словацкой свадьбе.

²⁸ Там же. — С. 64.

²⁹ Толстые Н. И. и С. М. О вторичной функции обрядового символа (на материале славянской народной традиции) // Историко-этнографические исследования по фольклору: Сборник статей памяти Сергея Александровича Токарева. — Москва: Издательская фирма «Восточная литература» РАН, 1994. — С. 239.

Таким образом, перед нами общеславянская свадебная традиция, бытование которой по записям XIX — XX вв. характеризуется многообразием и разнообразием участников и действий, но при этом обязательным является смеховое начало.

Если исходить из того, каким образом происходит замещение ложным персонажем подлинного, то все многообразие этих сценок можно свести к двум основным типам: ложный персонаж замещает подлинного, презентуясь **вместе** с ним, и ложный персонаж замещает подлинного, презентуясь **вместо** него. Внутри них, соответственно, выделяются подтипы в зависимости от своеобразия создания образа ложного свадебного персонажа и его действий или действий с ним. В итоге выстраивается следующая типология сценок с ложным свадебным персонажем: 1. Свадебный ложный персонаж или ложная брачная пара размещаются вместе с подлинным; 2. Свадебный ложный персонаж или ложная брачная пара однократно или многократно презентуются, или самопрезентуются вместо подлинного / подлинных. В последнем случае весь интерес сосредоточен на подмене, на замещении подлинных новобрачных их смеховыми дублерами. Особых действий ни ложная пара, ни участники свадьбы не совершают.

Отдельно необходимо рассмотреть вариант, при котором ложная брачная пара самопрезентуется вместо подлинных, т. н. ложная свадьба. В данном варианте мотив испытания / угадывания или уходит на второй план, или отсутствует, и вся сценка полностью организуется персонажами и зрителями как смеховое театральное-игровое зрелище. Например, как смеховая «борьба» между подлинной и ложной брачной парой.

В некоторых случаях данная сценка могла отрываться от конкретного свадебного обряда и превращаться в импровизированное театральное представление уже без соотнесения с подлинной брачной парой. Такое действие приближается к так называемой шутовской свадьбе, которая существовала в конце свадьбы. В некоторых местах ложная брачная пара разыгрывала на улицах села настоящее театральное действие, в котором происходило смеховое обыгрывание не только брачной традиции, но и семейных отношений «молодых».

Получила свое развитие эта традиция и в современной русской свадьбе. Среди многочисленных конкурсов и игр, которые проводятся, как правило, тамадой или подружками невесты во время свадебного стола также есть конкурс с подменной невестой или женихом.

Как показывает проделанный анализ, основой всех сценок является мотив угадывания. Необходимо подчеркнуть, что это именно угадывание, а не выбор, как иногда интерпретируют его исследователи, так как выбора невесты женихом и тем более жениха невестой не происходит.

Выбор уже сделан, сначала родителями, потом сватами. Угадывание во многих вариантах рассмотренных нами сенок часто совершал не жених или невеста, а представители их родов. Обрядовая семантика действий с ложными свадебными персонажами различна для разных типов. Так сценки, в которых жених, невеста или представитель их рода должен угадать соответствующего свадебного персонажа среди нескольких закрытых, в отличие от всех остальных имеют прямую связь со свадебной традицией. Как известно, невесту после благословения родителями в день венчания покрывали и раскрывали только после прибытия свадебного поезда в дом к родителям мужа. Вероятно, с этим связана традиция проверять «подлинность» невесты до венчания — открывая ее лицо. Это могли делать после выкупа, по дороге в церковь на венчание, на венчании и т.п. Эти реалии, вероятно, стали одним из важных факторов формирования и развития в русской народной свадьбе XX в. смеховых сенок с закрытым свадебным ложным персонажем, которого предъявляли вместе или вместо подлинного.

Другой фактор, определивший развитие данной традиции, может быть связан с тем, что выбор носил надличностный характер и не был связан непосредственно с судьбой самих участников брака и тем более с их будущей семейной жизнью. Но именно в период самой свадьбы открывалась возможность пред-угадать, пред-видеть судьбу создаваемой семьи, о чем свидетельствуют многочисленные приметы и магические действия, совершаемые женихом и невестой.

В четвертой главе «**Посрамление смехом**» на примере обряда посрамления «нечестной» невесты показывается, как реализуется одна из важных социально-этических функций смеха – посрамление человека, нарушившего те или иные нормы, принятые в данном сообществе.

Утрата девственности до свадьбы наряду с воровством и прелюбодеянием, с точки зрения крестьянской морали, была значительным преступлением и грехом, требовавшим соответствующего наказания. При этом необходимо учитывать, что этот грех устанавливался и наказывался не только на самой свадьбе, хотя подавляющее большинство зафиксированных случаев связано именно с ней. Несмотря на то что многие исследователи указывают на конец XIX — начало XX в. как на период ослабления активного негативного отношения к нецеломудрию невесты, все же такое отношение к утрате девушкой девственности до свадьбы нельзя считать исключительно особенностью только исторического развития.

Во-первых, источники показывают, что «упоминания о позорящих наказаниях для девушек впервые можно найти в русских источниках не ранее конца XV — начала XVI в.». Это позволило Н. Л. Пушкиревой выдвинуть гипотезу, что вероятно, «вначале они касались лишь представительниц

зажиточных слоев в центральной части России, но постепенно распространились более широко» [Пушкарева, 2009, с. 89]³⁰. Во-вторых, этнографические данные также свидетельствуют, что существовали и способы избавить «нечестную» молодую от наказания. Важнейшим было покаяние в грехе перед свадьбой или даже на самой свадьбе. Интересно и то, что в ряде регионов новобрачная в течение нескольких ночей не должна была вступать с мужем в интимные отношения. Существовала ли в этом случае проверка честности не указывается, но даже если она и была, то проводилась уже за пределами свадьбы.

Как известно, в традиционной культуре сексуальная сфера была тесно связана с природной, вегетативной, что нашло отражение во многих календарных обрядах. Соответственно, нарушение в одной из них неизбежно приводило или могло привести к катастрофическим последствиям в другой. Именно поэтому совершение дефлорации в строго закреплённый момент свадьбы делало брак «правильным», а «неправильный» брак, т. е. брак без дефлорации, нес в себе угрозу социальному и природному миропорядку.

Способы посрамления «нечестной» невесты были весьма многообразны. Могли использоваться предметы, символически обозначавшие утрату девственности (например, худой горшок), совершаться определенные действия. Общественное осуждение «нечестной» молодой могли выражать с помощью специальных песен, дополнявших указанные действия. Особенно распространены такие песни были в белорусской и украинской свадебной традиции.

Хотя хомут и не был единственным предметом, при помощи которого осуществлялось посрамление, именно он наиболее широко использовался в свадебной обрядности второго дня в качестве средства смехового посрамления «нечестной» невесты или / и ее родных, некоторых свадебных персонажей (дружка, сват, сваха и др.) в русской и, шире, — восточнославянской свадьбе.

По-разному осуществлялось исполнение этого позорящего и осмеивающего акта. В некоторых местах это делали только женщины мужниного рода. В других местах надевать хомут на шею «нечестной» невесты мог и ее муж. Еще более разнообразен был круг лиц, подвергавшихся подобному наказанию. Это прежде всего сама молодая, отец или / и мать молодой, а также крестная молодой, брат молодой, сват и сваха, дружка и даже жених. И, наконец, наказание могло носить коллективный характер

³⁰ Пушкарева Н. Л. Позорящие наказания для девушек в традиционной русской культуре XIX — начала XX в. как следствие гендерной асимметрии // Вестник Тихоокеанского государственного экономического университета. — 2009. — Вып. 3. — С. 89.

— например, в Витебской губернии хомуты позора надевали и друзьям, и родителям, и сватам.

Такое использование хомута не было присуще только свадьбе. Это была одна из самых распространенных форм наказания в рамках обычного права. И так же, как в свадьбе, надевание именно хомута или его субститута (соломенного хомута) было лишь одним из вариантов наказания вора, хотя чаще всего на шею или голову человека, уличенного в краже, вешали то, что он украл, а хомут мог дополнять или заменять украденную вещь. Однако если использование худых предметов, которые наполнялись вином или водой и подавались родным «нечестной» невесты, более или менее прямо связано с семантикой дефлорации (нарушение целостности), что часто подчеркивается и в соответствующих песнях, то семантика хомута в данном случае не столь видна и понятна. В более широком аспекте эту проблему рассмотрел А. Л. Топорков. Он, в частности, писал, что использование определенной вещи в ритуале актуализирует «вопрос о том, почему в том или ином ритуале используется именно эта, а не какая-нибудь иная вещь, т. е. вопрос о степени мотивированности вещи как определенного ритуального символа»³¹.

На наш взгляд, использование хомута обусловлено рядом факторов. Первый, наиболее важный среди них, — это то, что данный предмет применялся как средство смехового посрамления в крестьянском обычном праве, о чем было сказано выше. Во-вторых, хомут широко использовался в других обрядах и ритуально-магических практиках, лечении и проч.

Поэтому хомут на шее человека (невесты, ее родителей, свахи, свата и др.), являясь знаком преступления и наказания, в то же время создавал традиционный смеховой образ, подчеркивавший изъятие человека из социальной структуры. А мифологическая семантика предмета, сформировавшаяся в ритуально-магических практиках, выводила наказуемого за границы человеческого³².

Смех, возникавший в данном случае, был весьма специфичен по сравнению со смехом в других фазах свадебного обряда и выполнял не ритуальные, а скорее социально-нормативные функции. По терминологии Э. Дюркгейма, такой смех по отношению к нарушителю социального status quo можно назвать «социальной санкцией», которая должна не только и

³¹ Топорков А. Л. Символика и ритуальные функции предметов материальной культуры // Этнографическое изучение знаковых средств культуры: Сб. научных трудов. / отв. ред. А. С. Мыльников. — Ленинград: Наука. Ленинград отд-ние, 1989. — С. 94.

³² Байбурин А. К. Семиотический статус вещей и мифология // Материальная культура и мифология: Сборник статей / отв. ред. Б.Н. Путилов. — Ленинград: Наука. Ленингр. отд-ние, 1981. — С. 225.

даже не столько служить исправлению виновного, сколько «сохранить целостность общественной связи, поддерживая всю его жизненность в общественном сознании»³³.

В пятой главе «**Торжество смеха. Свадебный обряд поиски “ярки”**», на примере традиции, зафиксированной на территории Ульяновского Поволжья, анализируется обряд, оставаясь неотъемлемой частью свадьбы, не отрываясь от нее и не превращаясь в самостоятельное и независимое театрализованное действо, может быть определен как торжество смеха. В нем смех создавал мощную и всепобеждающую стихию карнавального разгула, втягивая при этом в себя действия, устные и письменные песенные и прозаические произведения соответствующего содержания. Таковым сложным смеховым театрализованным действием является обряд, который во многих регионах России получил название поиски «ярки».

Обряд поиски «ярки», как и другие обряды и обрядовые действия послесвадебного периода в русской традиционной свадьбе, совершался, как правило, на второй, а в некоторых региональных и локальных традициях на третий день свадьбы. Смеховое начало в нем наиболее ярко проявилось в обычае ряженья, в специальных комических и смехоэротических текстах (песенных, прозаических, стихотворных), действиях, предметах.

Этот обряд зафиксирован как существовавший и продолжающий достаточно активную жизнь почти на всей территории европейской части России в сельской местности и в малых городах. Присутствует он у русского населения, проживающего на территории национальных республик, а также у других народов России (например, мордвы, чувашей, марийцев и др.).

Содержание обряда поиска «ярки» составляют два основных элемента: 1) ряженье и 2) разыгрывание ряжеными многообразных мини-сценок, организуемых темой поисков. Ряженье как раз и было широко представлено в свадебной обрядности XIX — начала XX в. Весьма многообразны были и мини-сценки, которые разыгрывали ряженые в послесвадебный период. Традиция ряженья и театрално-игровой импровизации в свадьбе была широко распространена и у других славянских народов, в том числе у белорусов и украинцев.

Помимо ряженья и разыгрывания ряжеными импровизированных мини-сценок смеховое начало в свадьбе создавали смехоэротические действия и тексты эротического характера с обсценной лексикой. Несмотря на то что изучение этой стороны традиционной русской свадьбы началось сравнительно недавно, все же можно говорить об «устойчивости и глубине

³³ Дюркгейм Э. О разделении общественного труда / Пер. с фр. А. Б. Гофмана. — Москва: Канон, 1996. — С. 116.

традиции», о ее «глубокой укорененности в быту и обрядовой практике»³⁴.

Таким образом русская и, шире, — восточнославянская свадьба уже в XIX — начале XX в. обладала богатым, разнообразным и хорошо развитым смеховым началом, воплощавшимся в ряженье, фарсовых действиях ряженных над участниками свадьбы и жителями села, в театральнo-игровых импровизированных сценках, обыгрывающих как свадьбу, родину, похороны, так и некоторые типичные бытовые ситуации.

Однако помимо общей традиции ряженья и театрализации некоторых свадебных обрядов и актов в русской, украинской и белорусской свадьбе существовали элементы, более явно связанные с новым обрядом, основой которого стал поиск якобы пропавшего животного или человека и которые поэтому можно считать предпосылками его возникновения.

Во-первых, это использование символического обозначения девушки, которую пришли сватать, ярочкой или овечкой, телочкой, молодкой (молодая курочка), а жениха, соответственно, бараном, петушком или кочетком и под. Во-вторых, существовали и такие речевые формулы сватовства, в которых говорилось о пропавшем «животном». В-третьих, во время свадьбы исполнялись песни, в которых также центральной была тема поисков участниками свадьбы пропавшего человека (невесты). В-четвертых, прятанье невесты и ее поиски изредка встречаются в свадебной обрядности до второго дня.

На основе этих традиций, вероятно, и формируется в конце XIX — начале XX в. новый обряд, который оказался способным не только аккумулировать все перечисленные выше свадебные смеховые типы и формы, но и получить бурное распространение и дальнейшее развитие, приобрести сюжетную оформленность и стать центром обрядности второго дня во многих регионах России.

Состав его участников, как правило, не ограничивался ни количеством, ни типом родственных отношений, ни какими-либо другими социальными, гендерными или возрастными признаками, но они различались по степени активности в нем. Как правило, наиболее активными и театральнo выразительными были те, кто выбирал главные роли — *пастуха, старухи, врача, милиционера, а также цыганки*. Разной была активность в обряде и двух породнившихся семейств. В одних селах, например, наибольшая активность в обряде принадлежала стороне невесты. В других — сторона жениха не только участвовала в обряде наравне со стороной невесты, но и начинала его.

³⁴ Топорков А. Л. Эротика в русском фольклоре // Русский эротический фольклор. Песни. Обряды и обрядовый фольклор. Народный театр. Заговоры. Загадки. Частушки / Сост. и научное редактирование А. Топоркова. — Москва: Ладомир, 1995. — С. 18.

Круг персонажей ряженья был весьма разнообразен не только в Ульяновской области, но и в отдельных селах. Тем не менее все это многообразие персонажей явственно делилось на две группы: первая — это персонажи, воплощавшие образ одной из социально-профессиональных, половозрастных или этнических групп, что отражалось в соответствующем имени, костюме и наборе действий, а вторая — участники обряда, которые не имели названия, набора действий, т. е. составляли своеобразную массовку.

Первая группа включала в себя персонажей обряда постоянных, обязательных и факультативных, которые были только в одном селе или являлись результатом индивидуального творчества отдельного человека. К обязательным относились те, без кого обряд поиски «ярки» был неисполним в принципе. Это — *старуха, пастух, милиционер, врач*. Не всегда была непосредственно связана с поисками пропавшей «ярки» *цыганка*, но эта роль также была постоянной и одной из любимейших в данном обряде. В костюмах и атрибутике этих персонажей использовались элементы профессионального костюма: врач, медсестра — белый халат, стетоскоп, медицинская сумка с красным крестом и проч., милиционер — милицейский китель или фуражка, могли также надеть солдатский китель, зимой и осенью — шинель. Но и в этом случае в костюм старались внести смеховое начало.

Среди факультативных персонажей, зафиксированных, например, на территории Ульяновского Поволжья, — *барыня, дурак, аришин-малала, медведь, заяц*. Создавали и таких персонажей, как *конь, козел*. Несколько особняком в этой группе стоит фигура *попа*, который был обязательным участником сценки игра в «покойника» (см. анализ этой сценки выше), но мог быть и самостоятельным участником обряда.

Перечислить все факультативные персонажи невозможно, ибо многие из них носили исключительно индивидуальный характер, были связаны в своем происхождении с конкретными жизненными и культурными обстоятельствами.

Характеризуя персонажей второй группы, информанты отмечали прежде всего, что они умели «чудить», т. е. создавать образ по законам народной смеховой культуры. Именно эту группу называли в некоторых селах *святки*, т. е. наряженные как на святки. Как и на святки, особую радость ряженым доставляло неузнавание их знакомыми и близкими, что надолго запоминалось. Другое название этой группы персонажей — *русалки*, также связано с традицией ряженья в обряде проводы весны («вёсну провожать»), который, в свою очередь, вероятно восходит к обряду вождение русалки.

Персонажи этой группы также имели ряд характерных особенностей в

костюме. В целом — это была, как правило, одежда старая, поношенная, т. е. то, что называют «шо'болы», «лохмотья», «махры». Могло быть нарочитое смешение типов одежды разных сезонов или использование одежды не по сезону. Чрезвычайно популярно было надевание вывернутого мехом наружу тулупа, закрытие лица маской, сажей и проч.

Но именно в этой группе персонажей существовала традиция создавать образ, с подчеркнутыми гендерными признаками — мужскими и женскими. Осуществлялось это двумя способами — через смеховое обозначение гениталий и при помощи одежды или элементов одежды другого пола. Первый способ был более характерен для создания мужского образа, второй — женского.

Иногда такой способ ряженья становился единственной особенностью второстепенных персонажей обряда, что проявлялось в номинации участников обряда — главные действующие лица именуются по функциям, а второстепенные — по способу ряженья.

Главным действием в обряде был поиск пропавшей «ярки», что и определяло поведение основных персонажей. Смеховая театрализация обуславливала действия всех участников обряда, но особенно это проявлялось в финале, когда ряженные находят пропажу – «ярку». Сначала ее осматривают, находят «изъян», возникший за ночь, и начинают лечить. «Лечить» могли не только ярку, но и любого другого участника свадьбы. Затем в действие вступает милиционер — его задача составить протокол, зафиксировать «преступление», совершенное женихом. И только после «взятки» спиртным, которое дают родные жениха, наступает примирение сторон. Что касается Протокола (Акта), то он представляет собой смеховую пародию на документы, составляемые милицией по поводу краж и других бытовых преступлений. Зачитывается он по завершению поисков «ярки», когда все участники с обеих сторон садятся за столы, а ряженный милиционером зачитывает его под дружный смех собравшихся.

И только после этого все гости идут в дом к родителям молодой, где продолжается свадьба.

Обязательным при проходе ряженных по селу была игра на музыкальных инструментах, пение песен, частушек.

Традиция других регионов России не имела принципиальных отличий от поисков «ярки» на территории Ульяновской области. Общими были сюжетная основа — поиски пропавшего животного, круг основных действующих лиц, способы создания сценического образа, тематика исполняемых песен и частушек.

В целом же рассмотренное свадебное действо принципиально отличается от предыдущих и даже от свадебной игры в «покойника». Оно полностью соответствует определению театральности, данному Н. И.

Толстым. Действительно, в поисках «ярки» основные действующие лица перевоплощаются, становятся по-театральному не равны себе, так что в итоге создаются художественные образы — *старухи, пастуха, цыганки, милиционера, фельдшера*. Важнейшей особенностью этих образов является смеховая, доходящая до фарса трансформация одного из социально-профессиональных и половозрастных типов. Это же стилевая особенность определяет и акциональную сторону представления — систему действий, организующих сюжет всего «спектакля». А разыгрывание его в широком пространстве села, в домах жителей и в доме родителей молодого, когда даже там далеко не все вовлекаются в действие, позволяет говорить о достаточно явном разделении присутствующих на активных и пассивных участников, на «а'кторов и зрителей». Данное театральное действо типологически схоже с такими народными спектаклями, как «Шайка разбойников», «Лодка» и с современными т. н. уличными театрами, когда отчетливая и эстетически значимая граница между сценой и зрительным залом, актерами и зрителями стирается, а спектакль рождается в результате их творческого взаимодействия.

В шестой главе «**Смеховые устные и письменные жанры в русской народной свадьбе XIX — начала XXI в.**» рассматриваются два типа смеховых свадебных текстов – устные и письменные.

Жанровый состав русской свадебной обрядовой поэзии, как известно, весьма многообразен. Столь же многообразны в ней и устные смеховые жанры, среди которых основными являются корильные песни разного типа, охватывавшие практически всех участников свадьбы, приговоры дружки, припевки, сопровождавшие отведение молодоженов на брачную постель, песни и частушки смехоэротического содержания, исполнявшиеся на второй или третий день свадьбы, некоторые малые вербальные формы. Большую роль в формировании смеховой стихии играли произведения других фольклорных жанров — сказки, драматические сценки, построенные на диалогах персонажей, анекдоты и проч., исполнявшиеся на свадьбах. Разнообразны и многообразны были на них и письменные тексты.

Наиболее полно смеховое начало в традиционной русской народной свадьбе XIX — начала XX в. воплощали, как известно, два жанра — корильные песни и приговоры дружки. Именно им посвящено наибольшее количество научных работ, в этих жанрах фольклористы видят наиболее яркое и специфическое воплощение ритуального смеха в свадебном обряде. Это работы Н. М. Элиаш, Ю. Г. Круглова, Е. А. Шевченко, З. И. Власовой, Н. В. Дранниковой, Д. К. Зеленина, А. К. Мореевой, Е. Э. Бломквист, А. В. Тороповой, В. А. Поздеева, Т. Г. Гуржий и др.

В этих исследованиях раскрываются истоки данных жанров,

особенности их структуры, семантики и прагматики. Установлен большой круг смеховых фольклорных жанров, которые могли стать конкретной основой их формирования и развития, указывается на особую роль скоморохов в этом процессе. В частности, как показала Е. А. Шевченко, свадебные корильные песни были обращены не только к жениху и представителям его рода, как полагали многие ученые, но и к невесте, а корение (хуление) как доминантная функция песен данного жанра не была специфической особенностью только этих песен, оно присутствовало и в других жанрах свадебной и не свадебной лирики и прозы.

З. И. Власова рассмотрела корильные песни в еще более широком фольклорном контексте: в сопоставлении с календарной обрядовой поэзией, скоморошинами, сказками о дураках, небылицами и др. Такой подход позволил ей убедительно показать, что данный жанр свадебной лирики — один из элементов сложного и целостного мира народной смеховой культуры, так что изучение его генезиса, семантики, структуры вне этого мира невозможно.

Еще один жанр свадебной смеховой поэзии — «прозвищные песни», выделила и описала в своей диссертации Н. В. Дранникова, убедительно показав при этом, что они были широко распространены и в других сферах традиционной культуры.

Таким образом, как показывает наш обзор, в изучении корильных песен наиболее продуктивным оказался такой подход, при котором они рассматриваются в широком контексте как собственно свадебной поэзии, так и в единстве с другими смеховыми жанрами русского фольклора. Это дает возможность увидеть общие, в какой-то степени универсальные смеховые типы, некоторые принципы их создания, которые присущи целостному и разнообразному народному смеховому миру.

Данный подход определяет необходимость также рассматривать и другой важнейший смеховой жанр свадебной лирики — приговоры дружки. При этом главное внимание исследователей сосредоточено на фигуре дружки, который мог выполнять в свадьбе разные функции — от «знахаря, ведуна» до «шута, скомороха» (Д. К. Зеленин). Последняя роль его, как полагал Д. К. Зеленин, появилась в результате превращения некогда реальной враждебности двух брачующихся родов в игровое обрядовое действие. Эта трансформация определила новые функции свадебных приговоров, способствовала дальнейшему развитию в них смехового начала, которое определялось уже не только традицией, но и индивидуальными способностями дружек к смеховой импровизации. Среди образов, которые он создавал в своих приговорах, используя элементы заговоров, заклинательных песен, причитаний, величальных, корильных и даже сказок, самой колоритной фигурой был он сам.

Исследование приговоров дружки также осуществлялось в широком контексте смеховых фольклорных и литературных жанров. Особенно это касается т. н. свадебных указов, в которых многое указывало на их связь с лубком, рядными записями городских сословий XVII и XVIII вв. (Е. Э. Бломквист).

На особую роль древнерусских и средневековых смеховых традиций, в том числе и на традицию пародирования официальных документов, характерную для русской демократической культуры XVII в., указывал и В. А. Поздеев.

Таким образом, как показывает наш обзор, смеховые устные тексты разных жанров составляли неотъемлемую часть свадебного обряда. Будучи связаны в своем происхождении с разнообразными мифологическими представлениями и верованиями, они в дальнейшем утратили эту семантику и, возможно благодаря скоморохам, стали важнейшей частью свадебного обряда и народной смеховой культуры.

Во втором разделе **«Письменные смеховые свадебные тексты»** рассмотрены некоторые аспекты бытования на русской народной свадьбе письменных смеховых текстов.

Уже в XIX — начале XX в. некоторые жанры свадебного фольклора бытовали также в письменной или устно-письменной форме. Это заговоры, молитвы, приговоры дружки. Письменная форма была способом хранения и ретрансляции традиции: существуют многочисленные свидетельства о том, что дружки часто специально переписывали тексты приговоров, которые потом использовали в своей практике. Не меньший интерес представляют т. н. указы, зафиксированные Е. Э. Бломквист в Ростовском уезде. Публикуя их, она особо отмечала, что эти тексты хранились «у кого-нибудь в деревне в рукописном списке»³⁵. Ею же в Ростовском уезде была зафиксирована еще одна традиция, связанная с письменностью, — чтение смеховой росписи приданого. Она связывает эту традицию с лубочными картинками, среди которых весьма популярна была также пародия на росписи приданого. Однако, как впоследствии заметил В. А. Поздеев, нельзя недоучитывать также того, что смеховые свадебные указы представляли собой пародийную стилизацию «настоящих деловых документов древней и средневековой Руси»³⁶.

В современной русской свадьбе главенствующую роль играют уже

³⁵ Бломквист Е. Э. Свадебные указы Ростовского уезда: (К вопросу об отражении сюжетов лубочных картинок в современном крестьянском быту) // Художественный фольклор. Вып. II–III. — Москва, 1927. — С. 104.

³⁶ Поздеев В. А. Реально-исторические корни «свадебных указов» // Малые жанры в русской и современной литературе: Межвуз. сб. науч. тр. — Киров, 1986. — С. 23.

не устные, а письменные тексты, преимущественно такие, в которых происходит смеховое обыгрывание различных официальных, деловых, технических и прочих документов. Это могут быть тексты, устно произносимые, точнее говоря, зачитываемые на свадьбе, но созданные по законам письменного творчества, оформленные с использованием письменной графики (шрифтовое выделение отдельных фрагментов, слов, букв) и книжного дизайна (рисунки, виньетки, фотографии, в том числе сканированные изображения и т.д.) и вручаемые после зачитывания.

Все они могут быть сгруппированы в широкие классы или типы в зависимости, во-первых, от того, какой официальный документ послужил основой для создания свадебного текста, а во-вторых, от того, какую функцию они выполняют в брачно-свадебном процессе. Например, можно выделить класс **статусных** документов. Они основаны на официальных документах, удостоверяющих, узаконивающих, регламентирующих статус личности — гражданство, образование, семейное положение, профессиональную группу и др. Внутри класса статусных документов могут быть выделены типы: *удостоверяющие статус* (Паспорт, Свидетельство и др.), *вводящие, узаконивающие статус* (Приказ, Указ и др.), *регламентирующие статус* (Кодекс, Конституция и др.). Второй класс — **описательные** документы (основаны на документах, описывающих, характеризующих те или иные субъекты или объекты): Талон гарантийный, Паспорт (гарантийный, технический, эксплуатационный). Третий класс — **функциональные** документы (основаны на официальных документах, определяющих функции в той или иной производственной, общественной, нравственной и прочих сферах): Заповедь, Инструкция, Наказ, Напутствие, Наставление, Пожелание, Советы и др. Четвертый класс — **испытательные** (проверяющие) документы: Следы, Губы, Ромашки. Пятый класс — **информативные** документы: Плакаты, Открытки-приглашения на свадьбу, некоторые Телеграммы. Шестой класс — **поздравительные** документы (поздравительная функция присуща многим свадебным документам, но в данный класс мы выделяем такие, в которых она является единственной или доминирующей): Поздравление, Адрес, Телеграммы. Седьмой класс — **обвинительные** документы (воспроизводят в смеховом ключе некоторые административные и судебные документы): Обвинительное заключение народного суда (1-ый день, свадебный стол), Приговор или Протокол заседания суда (на 2-ой день свадьбы) и др.

Есть достаточно большая группа документов, в которых нельзя выделить какую-либо одну доминирующую функцию. Например, Газета свадебная — это документ комплексного характера, который и информирует, и поздравляет, и вводит статус и т.д. Вне предложенной классификации остаются такие единичные документы, как Устав свадебного вечера,

Дорожные знаки жизни, Пьеса («Свадьба»), Речь тронная пьяного свидетеля, Сберегательная книжка и др.

Различные типы документов обладают разными функциями в свадьбе и могут иметь / не иметь соответствия с поэтическими или стихотворными (типа «рацей» дружки) текстами традиционной свадьбы XIX – начала XX в. Функционирование письменных документов в современной свадьбе происходит неравномерно. Особенно насыщен письменными документами свадебный стол, завершающий обрядность первого дня свадьбы. Тексты, исполняемые на второй день, объединяет смехозеротическое начало. Однако сам набор текстов, их содержание отнюдь не является унифицированным. Это относится и к содержанию частушек, которые встречаются на большинстве сельских свадеб, и к таким достаточно редким текстам, как комические рассказы, стихи и песни.

В **заключении** подводятся итоги и формулируются основные выводы исследования.

Анализ свадебных обрядов, отдельных свадебных актов и текстов, осуществленный в данной диссертации, показал, что смеховое начало в русской народной свадьбе XIX — начала XXI вв., формы его воплощения и функции в разных обрядах, обрядовых сценках, вербальных текстах были весьма разнообразны, складывались и получали дальнейшее развитие под воздействием многих факторов и были неразрывно связаны с театральнo-игровым поведением участников обряда. Смех в свадьбе — не один из компонентов, не дополнительная окраска, а ее онтологическое свойство. Проведенное исследование определило, что создание смеха, с одной стороны, составляло и составляет цель и смысл действий участников многих свадебных обрядов. А с другой — что именно смех определяет способ и форму их общения с другими, т. е. действия, выбор предметов, стереотипных текстов, создание текстов спонтанных, а в некоторых случаях сотворение театрально ярких и выразительных образов. Именно поэтому можно утверждать, что смех как действие, смех как тип поведения полно и красочно воплощается и раскрывается в русском народном свадебном обряде XIX — начала XXI вв., выполняя в этом своем статусе разнообразные ритуальные и социально-психологические функции. Он может быть доминантой в состязании двух брачующихся сторон, так что в этом случае можно говорить о своеобразном *смеховом состязании*. Представители одного из семейно-родовых или социальных сообществ порою смехом испытывают участника или участников обряда, поэтому здесь мы имеем своеобразное *испытание смехом*. Некоторые свадебные акты, являясь специфической формой социально-этического наказания человека, также включают в себя смех, что приводит в конечном итоге к *посрамлению смехом*. Смех может быть целью *розыгрыша или обмана*.

И, наконец, смех мог полностью определять свадебный обряд, как это происходит, например, в обряде поиски «ярки», являя собой *торжество смеха*.

Анализ смехового начала в русской народной свадьбе XIX — XX вв., осуществленный в диссертации, показал, что оно требует самого серьезного внимания со стороны исследователей как при анализе отдельных обрядов, актов или смеховых письменных и устных текстов при изучении истории русского свадебного обряда, так и при установлении сущности свадебного обряда, его функций в ритуальной и социально-культурной жизни народа.

**Основные публикации автора по теме исследования
Статьи, опубликованные в журналах, входящих в Перечень
ведущих рецензируемых научных журналов и изданий,
рекомендованных ВАК:**

1. Матлин М.Г. Современные свадебные обычаи и обряды русского населения города Ульяновска // Традиционная культура. — 2003. — № 1. — С. 41–50.
2. Матлин М.Г. Интернет-фольклор-фольклористика // Антропологический форум. — 2011. — № 14. — С. 81–92.
3. Матлин М.Г. Обряд «Поиски пропавшего животного» в русской традиционной свадьбе XIX — XX вв. (К вопросу о формировании и развитии традиции) // Традиционная культура. — 2011. — № 3. — С. 80–91.
4. Матлин М.Г. В.П. Юрлов — симбирский собиратель русского фольклора // Традиционная культура. — 2012. — № 1. — С. 170–179.
5. Матлин М.Г. Камни счастья и любви: об одной новой ритуальной традиции в городе // Традиционная культура. — 2013. — № 3 (51). — С. 90–100.
6. Матлин М.Г. Структура и семантика обряда послесвадебного цикла – посещения молодой / молодыми водного источника // Научный диалог. — 2013. — № 6 (18). — С. 88–110.
7. Матлин М.Г. Свадебный обряд посещения водного источника в русской и мордовской свадебной традиции Ульяновской области // Гуманитарные науки и образование. — 2013. — № 2 (14). — С. 89–94.
8. Матлин М.Г. Типология сценок с ложным свадебным персонажем в русском традиционном свадебном обряде // Гуманитарные науки и образование. — 2014. — № 2. — С. 126–131.
9. Матлин М.Г. Шутовская свадьба в системе послесвадебных

театрально-игровых сценок русской традиционной свадьбы // Филологические науки. Вопросы теории и практики. — 2014. № 8-1 (38). — С. 122–126.

10. Матлин М.Г. Рецензия на: Зеленинские чтения: Материалы всероссийской научной конференции (Киров, 12 ноября 2013 года). — Киров, 2013. — 296 с. // Традиционная культура. — 2014. — № 2 (54). — С. 175–176.

11. Матлин М.Г. Свадебная игра в «покойника» в празднично-обрядовом пространстве русского села // Вестник Вятского государственного гуманитарного университета. — 2014. — № 1. — С. 54–60.

12. Матлин М.Г. Смеховые письменные тексты в русской народной свадьбе XIX — XXI вв. // Филологические науки. Вопросы теории и практики. — 2015. — № 10–1 (52). — С. 121–125.

13. Матлин М.Г. Мотив угадывания в смеховых театрально-игровых сценках с ложным свадебным персонажем в русской народной свадьбе XIX — XX вв. // Филологические науки. Вопросы теории и практики. — 2015. — № 9–1 (51). — С. 131–133.

14. Матлин М.Г. Образ «дурочки» в русской народной свадьбе // Гуманитарные науки и образование. — 2015. — № 4 (24). — С. 122–127.

15. Матлин М.Г. Образ праздника в очерке Н.М. Карамзина «Сельский праздник и свадьба» // Традиционная культура. — 2015. — № 4 (60). — С. 140–146.

16. Матлин М.Г. «Пахать пол»: своеобразие семантики свадебного термина // Научный диалог. — 2016. — № 1 (49). — С. 59–69.

17. Mikhail Gershonovich M, Andrey Viktorovich M, Daniil Anatolievich F, Antonina Petrovna L., Marina Vladimirovna G. Peculiarities of the plant code (the wedding broom) in the Russian folk wedding of the ulyanovsk region of the volga district. J // Fundam. Appl. Sci., 2017, 9(1S), 1143-1174. (WoS)

18. Матлин М.Г. Свадебное деревце (репей) в культурном ландшафте Ульяновской области // Традиционная культура. — 2018. — № 5. — С. 134–144.

19. Матлин М.Г. Состязание смехом в традиционной русской свадьбе XIX — начала XXI веков / М. Г. Матлин // Научный диалог. — 2019. — № 6. — С. 159–174. (WoS)

20. Matlin, M.G., Maslennikov, A.V., Frolov, D.A., Lipatova, A.P. Dynamics of Cultural Landscape (As Exemplified by the Functioning of Conifers in Wedding Rites of the Ulyanovsk Region) // Revista Amazonia Investiga. Vol. 8, Núm. 20 (2019), Mayo - junio 2019, p. 626-639. (WoS)

Монографии:

1. Матлин М.Г. Смеховые театральные-игровые формы в русской традиционной свадьбе XIX— XX вв. — Москва: Звезда и крест, 2013. — 180 с.
2. Матлин М.Г. Смеховые устные и письменные жанры в русской народной свадьбе XIX — начала XXI вв. — Ульяновск: Изд-во УлГПУ им. И.Н. Ульянова, 2015. — 76 с.
3. Матлин М.Г. Смех в русской народной свадьбе XIX — XXI вв.: Типологический и функциональный аспекты. — Ульяновск: Изд-во УлГПУ им. И.Н. Ульянова, 2015. — 272 с.

Статьи и тезисы:

1. Матлин М.Г. Русская народная свадьба села Акшут Барышского района Ульяновской области: (по материалам фольклорно-этнографической экспедиции 1997 года) // Свадебная обрядность на территории Ульяновской области: материалы и исследования / редкол.: М.Г. Матлин (отв. ред.) и др. — Ульяновск: Лаборатория культурологии, 1997. — С. 5–26.
2. Матлин М.Г. «Поиски ярки» в селе Поливанове // Живая старина. — 1999. — № 3. — С. 38–39.
3. Матлин М.Г. Русская традиционная свадебная обрядность: [словарь] // Духовная культура русских Среднего Поволжья: материалы полевых исследований / редкол.: М.Г. Матлин (отв. ред.) и др. — Ульяновск: УлГПУ, 1999. — С. 39–71.
4. Матлин М.Г. «Торговый» код в традиционном русском свадебном обряде // Собственность в представлении сельского населения России (середина XIX — XX вв.): регионально-исторический аспект / под ред. Д.С. Точеного. — Ульяновск: УлГУ, 2001. — С. 210–225.
5. Матлин М.Г. Свадебный обряд // Современный городской фольклор / редкол.: А.Ф. Белоусов, И.С. Веселова, С.Ю. Неклюдов. — Москва: РГГУ, 2003. — С. 370–390.
6. Матлин М.Г. Письменные документы как вербальный компонент современной русской свадьбы // Актуальные проблемы полевой фольклористики / редкол.: А.А. Иванова (отв. ред.) и др. — Москва: МГУ, 2002. — С. 180–196.
7. Матлин М.Г. Гендер и смех: половая инверсия в свадебном обряде «Поиски «ярки» // Актуальные проблемы полевой фольклористики / редкол.: А.А. Иванова (отв. ред.) и др. — Москва: Изд-во Моск. ун-та, 2004. — Вып. 3. — С. 83–88.
8. Матлин М.Г. Свадебная обрядовая лексика: (некоторые аспекты изучения) // Ученые записки Ульяновского государственного

университета. — Ульяновск, 2006. — С. 128–133.

9. Матлин М.Г. Свадебный обряд «Поиски ярки» – от традиционной обрядности к праздничной культуре // VIII Конгресс этнографов и антропологов России: тезисы докладов / редкол.: В.А. Тишков (отв. ред) и др. — Оренбург: Оренбургский издательский центр ОГАУ, 2009. — С. 550–551.

10. Матлин М.Г. «Замки счастья» на мосту влюбленных: Ободной новации в современной городской свадьбе» // Славянская традиционная культура и современный мир: традиционная культура русского города как объект междисциплинарных исследований: сборник статей / сост. М.Д. Алексеевский, В.Е. Добровольская, А.Б. Ипполитова. — Москва: ГРЦРФ, 2010. — С. 56–70.

11. Матлин М.Г. Смехоэротическое начало в свадебном обряде «Поиски “ярки”» (по материалам Ульяновского Присурья) // Проблема «ума» и «сердца» в современной филологической науке: Сб. научных статей по итогам V Международной научной конференции «Рациональное и эмоциональное в литературе и фольклоре»; отв. ред. Н.Е. Тропкина. — Волгоград: Изд-во ВГПУ «Перемена», 2010. — С. 3–9.

12. Матлин М.Г. Специфика полевого исследования русской традиционной свадьбы // МП'2010: сборник статей в честь М.П. Чередниковой / сост. В.Ф. Шевченко. — Москва: Лабиринт, 2010. — С. 112–118.

13. Матлин М.Г. Традиции и новации в обрядах послесвадебного цикла в русской свадьбе XX в.: (на примере обряда «Поиски ярки») // IX Конгресс этнографов и антропологов России: тезисы докладов / редкол.: В.А. Тишков (отв. ред) и др. — Петрозаводск: Карельский научный центр РАН, 2011. — С. 293.

14. Матлин М.Г. Традиции и новации в обрядах послесвадебного цикла в русской свадьбе XX в.: (на примере обряда «Поиски ярки») // IX Конгресс этнографов и антропологов России: тезисы докладов / редкол.: В.А. Тишков (отв. ред) и др. — Петрозаводск: Карельский научный центр РАН, 2011. — С. 293.

15. Матлин М.Г. «Зайчик+зайка=любовь»: замки на мосту как новая свадебная традиция // Живая старина. — 2011. — № 2. — С. 36–39. (в соавторстве с В.В. Виноградовым, Д.В. Громовым, В.А. Коршунковым, М.М. Красиковым)

16. Матлин М.Г. Фотографии ряженных как способ визуального представления смехового начала в современной русской свадьбе // Визуальная антропология: российское поле: материалы конференции в рамках VI Московского международного фестиваля визуальной антропологии «Камера-посредник», Москва, 8-12 октября 2012 г. / ред.:

Е.В. Александров, Е.С. Данилко. — Москва: ИЭА РАН, 2012. — С. 55–65.

17. Матлин М.Г. Этнодиалектная специфика традиционной русской свадьбы в Ульяновском Присурье // Поволжье и Приуралье как регион взаимодействия культур: исторический опыт и современное состояние: материалы Всероссийской научной конференции, Саранск, 23-14 октября 2012 г. — Саранск, 2012. — С.315–323.

18. Матлин М.Г. Ярку искать // Традиционная культура Ульяновского Присурья: этнодиалектный словарь: в 2-х т. / отв. ред.: д.ист.н. И.А. Морозов, д.филол.н. М.П. Чередникова. — Москва: Индрик, 2012. — Т.2. М–Я. — С. 631–645.

19. Матлин М.Г. Собрать невесту к венцу // Традиционная культура Ульяновского Присурья: этнодиалектный словарь: в 2-х т. / отв. ред.: д.ист.н. И.А. Морозов, д.филол.н. М.П. Чередникова. — Москва: Индрик, 2012. — Т.2. М–Я. — С. 520–527.

20. Матлин М.Г. Смеховые формы в русской и белорусской послесвадебной обрядности: («Поиски ярки» и «Цыганы») // Фальклор і сучасная культура: матэрыялы III Міжнароднай навукова-практычнай канферэнцыі, Мінск, 21—22 красавіка 2011 г.: у дзвюх частках. — Мінск, 2012. — Частка 1. — С. 84–86.

21. Матлин М.Г. Свадьба // Традиционная культура Ульяновского Присурья: этнодиалектный словарь: в 2-х т. / отв. ред.: д.ист.н. И.А. Морозов, д.филол.н. М.П. Чередникова. — Москва: Индрик, 2012. — Т.2. М–Я. — С. 473–487.

22. Матлин М.Г. Сватать // Традиционная культура Ульяновского Присурья: этнодиалектный словарь: в 2-х т. / отв. ред.: д.ист.н. И.А. Морозов, д.филол.н. М.П. Чередникова. — Москва: Индрик, 2012. — Т.2. М–Я. — С. 488–494.

23. Матлин М.Г. Свадебный обряд // Традиционная культура Ульяновского Присурья: этнодиалектный словарь: в 2-х т. / отв. ред.: д.ист.н. И.А. Морозов, д.филол.н. М.П. Чередникова. — Москва: Индрик, 2012. — Т.2. М–Я. — С. 145–158.

24. Матлин М.Г. Свадебный обряд // Традиционная культура Ульяновского Присурья. Этнодиалектный словарь. Том 1. / Колл. авт. И.С. Кызласова (Слепцова), А.П. Липатова, М.Г. Матлин, И.А. Морозов, Е.В. Сафронов, М.П. Чередникова, и др. — Москва: Индрик, 2012. — С. 140–154.

25. Матлин М.Г. Первая брачная ночь // Традиционная культура Ульяновского Присурья: этнодиалектный словарь: в 2-х т. / отв. ред.: д.ист.н. И.А. Морозов, д.филол.н. М.П. Чередникова. — Москва: Индрик, 2012. — Т.2. М–Я. — С. 249–250.

26. Матлин М.Г. Печурки смотреть // Традиционная культура

Ульяновского Присурья. Этнодиалектный словарь. Том 2 / Колл. авт. И.С. Кызласова (Слепцова), А.П. Липатова, М.Г. Матлин, И.А. Морозов, Е.В. Сафронов, М.П. Чередникова и др. — Москва: Индрик, 2012. — С. 259–260.

27. Матлин М.Г. Молодых встречать // Традиционная культура Ульяновского Присурья: этнодиалектный словарь: в 2-х т. / отв. ред.: д.ист.н. И.А. Морозов, д.филол.н. М.П. Чередникова. — Москва: Индрик, 2012. — Т.2. М–Я. — С. 47–50.

28. Матлин М.Г. На поклон // Традиционная культура Ульяновского Присурья: этнодиалектный словарь: в 2-х т. / отв. ред.: д.ист.н. И.А. Морозов, д.филол.н. М.П. Чередникова. — Москва: Индрик, 2012. — Т.2. М–Я. — С. 69–72.

29. Матлин М.Г. Невесту продавать // Традиционная культура Ульяновского Присурья: этнодиалектный словарь: в 2-х т. / отв. ред.: д.ист.н. И.А. Морозов, д.филол.н. М.П. Чередникова. — Москва: Индрик, 2012. — Т.2. М–Я. — С. 119–125.

30. Матлин М.Г. К венцу ехать // Традиционная культура Ульяновского Присурья: этнодиалектный словарь: в 2-х т. / отв. ред.: д.ист.н. И.А. Морозов, д.филол.н. М.П. Чередникова. — Москва: Индрик, 2012. — Т.1. А–Л. — С. 509–512.

31. Матлин М.Г. Кладку рядить // Традиционная культура Ульяновского Присурья: этнодиалектный словарь: в 2-х т. / отв. ред.: д.ист.н. И.А. Морозов, д.филол.н. М.П. Чередникова. — Москва: Индрик, 2012. — Т.1. А–Л. — С. 533–535.

32. Матлин М.Г. Горной стол // Традиционная культура Ульяновского Присурья: этнодиалектный словарь: в 2-х т. / отв. ред.: д.ист.н. И.А. Морозов, д.филол.н. М.П. Чередникова. — Москва: Индрик, 2012. — Т.1. А–Л. — С. 324–330.

33. Матлин М.Г. Девичник // Традиционная культура Ульяновского Присурья: этнодиалектный словарь: в 2-х т. / отв. ред.: д.ист.н. И.А. Морозов, д.филол.н. М.П. Чередникова. — Москва: Индрик, 2012. — Т.1. А–Л. — С. 347–352.

34. Матлин М.Г. За веником ходить // Традиционная культура Ульяновского Присурья: этнодиалектный словарь: в 2-х т. / отв. ред.: д.ист.н. И.А. Морозов, д.филол.н. М.П. Чередникова. — Москва: Индрик, 2012. — Т.1. А–Л. — С. 445–455.

35. Матлин М.Г. Запой // Традиционная культура Ульяновского Присурья: этнодиалектный словарь: в 2-х т. / отв. ред.: д.ист.н. И.А. Морозов, д.филол.н. М.П. Чередникова. — Москва: Индрик, 2012. — Т.1. А–Л. — С. 455–459.

36. Матлин М.Г. Венчание // Традиционная культура Ульяновского

Присурья: этнодиалектный словарь: в 2-х т. / отв. ред.: д.ист.н. И.А. Морозов, д.филол.н. М.П. Чередникова. — Москва: Индрик, 2012. — Т.1. А–Л. — С. 258–260.

37. Матлин М.Г. Второй день // Традиционная культура Ульяновского Присурья. Этнодиалектный словарь: в 2-х т. / отв. ред.: д.ист.н. И.А. Морозов, д.филол.н. М.П. Чередникова. — Москва: Индрик, 2012. — Т.1. А–Л. — С. 296–308.

38. Матлин М.Г. Баня невесты // Традиционная культура Ульяновского Присурья: этнодиалектный словарь. Т.1. А–Л / отв. ред.: д.ист.н. И.А. Морозов, д.филол.н. М.П. Чередникова. — Москва: Индрик, 2012. — С. 189–192.

39. Матлин М.Г. Будить невесту // Традиционная культура Ульяновского Присурья: этнодиалектный словарь: в 2-х т. / отв. ред.: д.ист.н. И.А. Морозов, д.филол.н. М.П. Чередникова. — Москва: Индрик, 2012. — Т.1. А–Л. — С. 231–234.

40. Матлин М.Г. Изучения смехового и театрально-игрового начала в русской традиционной свадьбе // Zbiór raportów naukowych. “Badania naukowenaszych czaców” (29.10.2013 – 31.10.2013). — Karowice: Wydawca: Sp. z. o.o. “Diamond trading tour”, 2013. — S. 50–58.

41. Матлин М.Г. Свадебная игра в «покойника»: к проблеме генезиса смеховых форм в русской традиционной свадьбе // Традиционная и современная культура: история, актуальное положение, перспективы: материалы III международной научно-практической конференции, Прага, 20-21 сентября 2013 г. — Прага: Vědeckovydatelké centrum “Sociosféra-CZ”, 2013. — С. 128–142.

42. Матлин М.Г. История собирания и изучения традиционной русской свадебной обрядности Симбирского Поволжья в XIX в. // «PAX SONORIS». — 2013. — Вып. VII. — С. 122–125.

43. Матлин М.Г. Русская традиционная свадьба XIX в. в социокультурном пространстве села: (На примере свадебной традиции села Зеленец Сызранского уезда Симбирской губернии) // Zbór raportów naukowych. Nauka dziś: teoria, metodologia, praktyka, problematyka... (30.07.2014–31.07.2014). — Warszawa: Wydawca: Sp. Z. o.o. “Diamond trading tour”, 2014. — S. 80–84.

44. Матлин М.Г. Молодежные сетевые сообщества как современная форма сохранения и развития свадебных традиций: (на примере форума невест) // Мировая классика и молодежная культура: Материалы Всероссийской научно-практической конференции с международным участием, Йошкар-Ола, 24-26 сентября 2014 г. / редкол.: В.Е. Добровольская (отв. ред), Т.А. Золотова (отв. ред.). и др. — Йошкар-Ола: МарГУ, 2014. — С. 182–188.

45. Матлин М.Г. Игры молодежи на современной городской

свадьбе: Традиции и новации // Humanities and Social Sciences in Europe: Achievements and Perspectives. 5th International symposium 15th September 2014. — Vienna: «East West» Association for Advanced Studies and Higher Education GmbH, 2014. — P. 233–243.

46. Матлин М.Г. Игра в «роженицу» в системе послесвадебных смеховых театрално-игровых обрядов и сенок // The First European Conference on Languages, Literature and Linguistics. 14th April 2014. — Vienna: «East West» Association for Advanced Studies and Higher Education GmbH, 2014. — P. 468–472.

47. Matlin M. G. THE GAME OF “WOMAN IN LABOR” IN THE SYSTEM POSLESVADEBNYH COMIC THEATRICAL GAME RITUALS AND SKITS // The First International Conference on European Conference on Languages, Literature and Linguistics. Proceedings of the Conference. 2014. С. 468–472.

48. Matlin M. G. YOUTH GAMES ON MODERN URBAN WEDDING: TRADITIONS AND INNOVATIONS // Humanities and Social Sciences in Europe: Achievements and Perspectives. Proceedings of the 5th International symposium. Koenig L. (Ed.). 2014. С. 233–243.

49. Матлин М.Г. Смеховая театрализация обрядов и обрядовых актов сватовства в традиционной русской свадьбе XIX-XX веков // Функционально-структуральный метод П.Г. Богатырева в современных исследованиях фольклора: Сборник статей и материалов / Отв. редакторы С.П. Сорокина и Л.В. Фадеева. — Москва: Государственный институт искусствознания, 2015. — С. 234–243.

50. Матлин М.Г. Игровое начало в современной русской свадьбе: некоторые типы и формы // Праздники и обряды в Урало-Поволжье: традиции и новации в современной культуре. Сборник статей, посвященный 30-летию кафедры философии, истории и теории мировой культуры СГСПУ и 15-летию ГУСО «Дом дружбы народов». — Самара, 2016. — С. 159–163.

51. Матлин М.Г. Русская народная свадьба в фольклорном пространстве Ульяновского Поволжья (на примере свадебной традиции Кузватовского района) // Фольклор Большой Волги. Сборник научных статей. — Москва: РОСКУЛЬТПРОЕКТ, 2017. — С. 138–150.

52. Матлин М.Г. Растительность в культурном ландшафте Ульяновской области: (на примере русского традиционного свадебного обряда и календарных обрядов весенне-летнего цикла) // Восток — Запад: Пространство локального текста в литературе и фольклоре: Сборник научных статей к 70-летию профессора А.Х. Гольденберга / отв. ред. Н. Е. Тропкина. — Волгоград: Научное издательство ВГСПУ «Перемена», 2019. — С. 176–182.

Сдано в набор 30.10.2019. Подписано в печать 01.11.2019.
Гарнитура Times New Roman. Усл. печ. л. 2,5
Формат 60x84/16 Тираж 100 экз. Заказ №

Отпечатано в типографии АртБюро
432700, г.Ульяновск, ул. Гончарова, 11а
E-mail: art_simbirsk@mail.ru
телефон: (8422) 42-12-83.